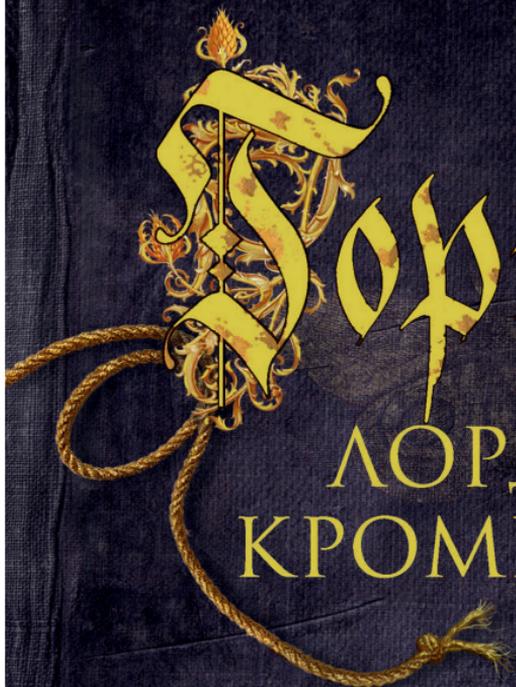

СОЧЕТАНИЕ ИНТЕРЕСНЕЙШИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕТАЛЕЙ
С ПЕРВОКЛАССНЫМ ДЕТЕКТИВОМ.
ПО-НАСТОЯЩЕМУ ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ КНИГА.

Independent on Sunday

A large, ornate, golden initial letter 'S' is the central focus. It is intricately decorated with floral and scrollwork patterns. At the top of the 'S' is a crown with a flame-like element. A thick, braided golden rope is wrapped around the left side of the 'S' and extends downwards, ending in a knot. The background is a dark, textured blue-grey color.

Сорбун
ЛОРДА
КРОМВЕЛЯ

К. ДЖ. СЭНСОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Кристофер Джон Сэнсом
Горбун лорда Кромвеля
Серия «The Big Book»
Серия «Мэтью Шардлейк», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130489
Горбун лорда Кромвеля: Антикус; Санкт-Петербург; 2020
ISBN 978-5-389-18360-5*

Аннотация

1537 год, Англия. Полным ходом идет планомерное уничтожение монастырей, объявленных рассадниками порока и измены. Однако события в монастыре маленького городка Скарнси развиваются отнюдь не по сценарию, написанному главным правителем Томасом Кромвелем. Его эмиссар зверски убит, обезглавленное тело найдено в луже крови неподалеку от оскверненного алтаря. Кто это сделал? Колдуны, приверженцы черной магии? Или контрабандисты? Или сами монахи? Расследовать злодеяние поручено Мэтью Шардлейку, горбуну, чей ум способен распутывать самые сложные преступления. Приехав в монастырь, он обнаруживает, что это убийство – не первое, совершенное в стенах обители... В мире литературных героев и в сознании сегодняшнего читателя образ Мэтью Шардлейка занимает почетное место в ряду с такими известными

персонажами, как Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, Ниро Вульф и комиссар Мегрэ.

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	43
Глава 3	63
Глава 4	82
Глава 5	101
Глава 6	118
Глава 7	149
Глава 8	170
Конец ознакомительного фрагмента.	182

К. Дж. Сэнсом

Горбун лорда Кромвеля

Моим соавторам:

*Джан, Люку, Мэри, Майку Б., Майку Х., Роз,
Уильяму и особенно Тони, нашему вдохновителю на
это суровое испытание.*

И Каролине

C. J. Sansom DISSOLUTION

Copyright © C. J. Sansom, 2003

Оформление обложки и иллюстрация на обложке Сергея
Шикина

© Е. Е. Большелапова, перевод, 2005

© Т. Б. Кадачигова, перевод, 2005

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

У Сэнсома непревзойденный талант в оживлении
подробностей эпохи, которую он описывает. Его
картины зимы в «Горбуне лорда Кромвеля» побуждают

вас тянуться к толстому плюшевому пледу.

Guardian

Исторический детектив зачастую мало чем отличается от современных приключений в маскарадных костюмах. Чего не скажешь о книгах Сэнсома, посвященных эпохе царствования Генриха VIII. Они возвращают к жизни тюдоровскую Англию с ее запахами и звуками...

Sunday Times

Сэнсом – идеальная смесь беллетристической страсти и исторических фактов.

Sunday Telegraph

Не только замечательный детективный роман, но и невероятное проникновение в исторические события эпохи Тюдоров.

Tesco Magazine

Старшие монахи (должностные лица) монастыря Святого Доната Преподобного в Скарнси, Сассекс, 1537 год

Аббат Фабиан – аббат монастыря, избранный братией.

Брат Эдвиг – казначей. Распорядитель всех финансовых дел монастыря.

Брат Габриель – ризничий и регент хора. Отвечает за под-

держание монастырской церкви в должном состоянии и за ее украшение, а также за музыку.

Брат Гай – лекарь. Отвечает за здоровье монахов, обладает правом прописывать лекарства.

Брат Хью – управляющий. Отвечает за хозяйственные дела.

Брат Джуд – отвечает за жалованье. Занимается выплатами монастыря по закону, надзором за монахами и служками, а также раздачей милостыни.

Брат Мортимус – приор. Правая рука аббата Фабиана, отвечает за дисциплину и благоденствие монахов. Является главным над служками.

Глава 1

Я находился в Суррее по делам кабинета лорда Кромвеля, когда патрон срочно потребовал моего возвращения. Дело, порученное мне, было связано с передачей земель недавно упраздненного монастыря во владение некоему члену парламента, на чью поддержку лорд Кромвель рассчитывал. Однако же бумаги, подтверждающие право на владение лесными угодьями, куда-то исчезли. Впрочем, отыскать их не составило труда. Разрешив эту проблему, я принял приглашение члена парламента провести несколько дней в кругу его семьи. Я с радостью воспользовался возможностью немного отдохнуть и насладиться последними ясными днями осени, прежде чем вернуться в Лондон и вновь приступить к своим обязанностям. Кирпичный дом сэра Стивена отличался вместительностью и правильностью пропорций, и я предложил хозяину запечатлеть его особняк на бумаге. Предложение мое было принято с благодарностью, но, увы, к тому времени как прибыл посланник, я успел сделать лишь несколько предварительных набросков.

Молодой гонец, привезший мне письмо, покинул Уайтхолл поздним вечером, провел в седле всю ночь и прибыл в имение сэра Стивена на рассвете. Едва взглянув на него, я узнал в нем одного из посыльных, которых лорд Кромвель использовал для особо важных поручений. Исполненный са-

мых тревожных предчувствий, я взломал министерскую печать. В письме, подписанном секретарем Греем, говорилось, что лорд Кромвель требует моего немедленного прибытия в Вестминстер.

Еще совсем недавно перспектива встречи с патроном, достигшим столь головокружительных высот власти, ввергла бы меня в состояние величайшего беспокойства. Но в течение последнего года мною овладела какая-то странная апатия; иными словами, я изрядно утомился и от политики, и от судопроизводства, бесконечные людские хитрости и уловки нагоняли на меня скуку. Меня угнетало также, что имя лорда Кромвеля повсюду порождало страх – даже больше, чем имя короля. По слухам, даже толпы наглых и назойливых лондонских нищих пускались наутек при приближении его кареты. Нет, вовсе не о таком мире, погруженном в испуг и смятение, мечтали мы, молодые реформаторы, споря до хрипоты во время бесконечных обедов. Мы с Эразмом¹ искренне надеялись, что горячая вера и милосердие смогут преодолеть религиозные противоречия между людьми; но в начале зимы 1537 года дело дошло до мятежа, количество казненных росло с каждым днем, а земли уничтоженных монастырей служили причиной самых бурных раздоров.

Осень в тот год выдалась сухая, и дороги оставались в

---

¹ Эразм Роттердамский (1469–1536) – гуманист эпохи Возрождения; сыграл большую роль в подготовке Реформации, выступал против религиозного фанатизма.

весьма приличном состоянии. Вследствие своего телесного изъяна я не способен к быстрой верховой езде, тем не менее до Саутуорка я добрался вскоре после полудня. Мой добрый старый конь Канцлер за месяц, проведенный в деревне, отвык от городского шума и запахов и теперь заметно тревожился; я всецело разделял его настроение. Проезжая по Лондонскому мосту, я потупил взгляд, дабы не видеть отрубленных голов казненных государственных изменников. Головы эти, выставленные на длинных шестах, представляли собой довольно тягостное зрелище. Над ними с пронзительными криками кружились чайки. Должен признать, я всегда отличался излишней чувствительностью, и даже охота на медведя не доставляла мне ни малейшего удовольствия.

На мосту, застроенном домами так тесно, что казалось, некоторые из них вот-вот свалятся в реку, по обыкновению, во множестве толпились люди. Я заметил, что многие купцы носят траур по королеве Джейн, которая за две недели до того скончалась от родильной горячки. Лавочники зазывали покупателей, высунувшись из окон своих магазинов, расположенных на первых этажах. На верхних этажах женщины торопливо убрали вывешенное на просушку белье, ибо на западном краю неба показалось несколько темных дождевых туч. Соседки оживленно переговаривались громкими пронзительными голосами, и при моей склонности к язвительным сравнениям я нашел их весьма похожими на возбужденную стаю ворон.

Я тяжело вздохнул, вспомнив о своих обязанностях. Во многом благодаря покровительству лорда Кромвеля я в возрасте тридцати пяти лет располагал процветающей адвокатской практикой и имел прекрасный новый дом. Служить лорду Кромвелю означало служить великому делу реформы²; по крайней мере, до сей поры я неколебимо верил в это. По всей вероятности, дело, по которому патрон вызвал меня, отличалось особой важностью, так как обычно поручения передавались мне через Грея. Самого верховного секретаря и главного правителя – именно эти должности занимал ныне лорд Кромвель – я не видел уже более двух лет. Я крепче натянул поводья и направил Канцлера в толпу торговцев и путешественников, уличных воров и ловких проходимцев – иными словами, в огромный человеческий муравейник, именуемый Лондоном.

Проезжая Ладгейт-Хилл, я заметил прилавок, на котором лежали яблоки и груши. К тому времени я изрядно проголодался и потому, спешившись, купил немного фруктов. Стоя около Канцлера и скармливая ему яблоко, я увидел на другой стороне улицы, у таверны, толпу человек в тридцать, которые возбужденно переговаривались, явно чем-то взволнованные. Я предположил, что людей этих собрал вокруг себя

---

² Общественное движение в Европе XVI века, получившее название Реформации, было направлено против католической церкви; в частности, отрицались права церкви на владение земными богатствами.

какой-нибудь очередной помешанный, начитавшийся Библии и вообразивший себя пророком. Если так, то ему следовало остерегаться появления констебля.

В задних рядах толпы мелькнуло несколько хорошо одетых людей. В одном из них я узнал Уильяма Пеппера, адвоката Палаты перераспределения монастырского имущества. Рядом с ним стоял молодой человек в ярком камзоле с разрезами. Гадая о том, какая причина могла привести Пеппера на подобное сборище, я направил к толпе Канцлера, тщательно избегая сточных канав, заполненных нечистотами. Когда я приблизился, Пеппер обернулся в мою сторону.

– О, Шардлейк, неужели это вы? Где вы так долго пропадали, старина? За этот сезон вы ни разу не появились в суде. Честное слово, я уже начал по вас скучать! – Он указал на своего спутника и произнес: – Позвольте вам представить Джонатана Майнтлинга, недавнего выпускника корпорации адвокатов, ныне успешно практикующего в королевском суде. Джонатан, перед вами Мэтью Шардлейк, самый хитроумный горбун из всех, что когда-либо выступали в судах Англии.

Я поклонился молодому человеку, пропустив мимо ушей неделикатное упоминание Пеппера о моем увечье. Дело тут было отнюдь не только в его дурных манерах, и я прекрасно понимал это. Не так давно я выиграл у него довольно важный процесс, а адвокаты, как известно, остры на язык и никогда не упустят случая отомстить.

– Что здесь происходит? – осведомился я.

– Видите ли, старина, в этой таверне сейчас находится некая женщина, у которой есть некая чудесная птица, привезенная из Индии³, – со смехом объяснил Пеппер. – Говорят, эта птица болтает по-английски не хуже нас с вами. С минуты на минуту счастливая владелица должна выйти и показать нам свое сокровище.

Около таверны улица начинала идти под уклон, мы же стояли на возвышении, и, несмотря на свой невысокий рост, я имел возможность хорошо рассмотреть происходившее. В дверях таверны появилась старая толстая женщина в грязном поношенном платье. В руках она держала нечто вроде железного шеста с перекладиной, на которой сидела самая удивительная птица из всех, что мне доводилось когда-либо видеть. Размерами она превосходила самую крупную ворону, короткий толстый клюв ее кончался грозного вида крючком, а красное и золотистое оперение было настолько ярким, что на фоне уличной грязи едва не слепило глаза. Завидев диковину, толпа пришла в движение.

– А ну, отойдите! – резким пронзительным голосом закричала владелица птицы. – Я вынесла вам Табиту, как и обещала. Но если вы будете толкаться вокруг, она нипочем не станет разговаривать.

– Мы хотим послушать, как она говорит! – раздались голоса из толпы.

---

³ То есть из испанских колоний в Америке.

– Задарма она разговаривать не будет! – заявила старая карга. – А если каждый из вас даст Табите по фартингу, тогда она покажет вам, на что способна.

– Любопытно посмотреть, в чем тут хитрость, – насмешливо фыркнул Пеппер.

Тем не менее вместе со всеми остальными он бросил к подножию шеста медную монету. Старуха подобрала с грязной мостовой все монетки до единой и обратилась к птице.

– Ну, Табита, теперь можешь говорить, – разрешила она. – Скажи: «Храни Господь короля Гарри! Упокой Господи душу бедной королевы Джейн!»

Птица, судя по всему, не обратила на слова старухи ни малейшего внимания. Она по-прежнему переступала на своих чешуйчатых лапках и не сводила с толпы круглых стеклянных глаз. Внезапно она раскрыла клюв и изрекла пронзительным голосом, поразительно напоминавшим голос хозяйки:

– Храни Господь короля Гарри! Упокой душу королевы Джейн!

Сказать, что собравшиеся были потрясены, означало не сказать ничего. Те, кто стоял в передних рядах, подались назад, многие осеняли себя крестным знаменем. Пеппер озадаченно присвистнул.

– Что вы на это скажете, Шардлейк?

– Право, не знаю, – пожал я плечами. – Вероятно, здесь и

в самом деле какая-то хитрость.

– Пусть скажет что-нибудь еще! – раздался в толпе голос какого-то смельчака. – Прикажи ей говорить!

– Табита, скажи: «Смерть Папе! Смерть римскому епископу!» – распорядилась старуха.

– Смерть Папе! Римский епископ! Храни Господь короля Гарри! – завопила птица и расправила крылья, так что зеваки в тревоге затаили дыхание.

Я, однако же, сумел рассмотреть, что опасаться нечего: крылья были подрезаны, и диковинная птица не имела возможности улететь. Произнеся свою впечатляющую речь, птица принялась озабоченно чистить клювом перья у себя на груди.

– Приходите завтра к собору Святого Павла, еще не такое услышите! – воскликнула старая карга. – Расскажите всем, кого знаете, о Табите, говорящей птице из Индий. Мы с ней придем к собору ровнехонько в двенадцать. Да, вот такие птицы водятся в стране Перу. Там их тьма-тьмущая. И все они сидят в своих гнездах и разговаривают по-человечески.

С этими словами старуха, проворно подобрав с земли еще пару монет, схватила шест с отчаянно бьющей крыльями птицей и исчезла в дверях таверны.

Люди, возбужденно обмениваясь впечатлениями, начали расходиться. Я взял Канцлера под уздцы и двинулся шагом вдоль по улице. Пеппер и его молодой друг шли рядом.

Диво, которому Пеппер только что стал свидетелем, заста-

вило его отказаться от обычного пренебрежительного тона.

– Я слышал уйму историй о чудесах, которые творятся в стране Перу, той, что завоевали испанцы! – в волнении восклицал он. – И я считал все это выдумками, которые не стоит принимать на веру! Но после того, что мы сейчас видели... О Пресвятая Дева!

– Не сомневаюсь, все это не более чем мошенничество, – невозмутимо заметил я. – Вы не обратили внимания на глаза этой птицы? Пустые, стеклянные глаза, без всякого проблеска ума! А помните, как она вдруг прекратила говорить и начала чистить перья? Существо, наделенное разумом, никогда так не поступит.

– Тем не менее птица разговаривала, сэр, – возразил Майнтлиг. – Мы слышали это собственными ушами.

– Но говорить можно, не понимая смысла слов. Думаю, птица просто повторяла слова старой ведьмы. Ведь и собака бежит к хозяину, когда он зовет ее. Кстати, мне доводилось слышать о говорящих сойках.

Оказавшись в конце улицы, мы остановились.

– Возможно, вы правы, Шардлейк, – усмехнулся Пеппер. – Ведь паства в церкви тоже тупо повторяет за священником латинские молитвы, не понимая ни слова.

В ответ я молча пожал плечами.

Подобное замечание относительно латинской мессы показалось мне излишне пренебрежительным, но сейчас у меня не было ни малейшего желания затевать спор на религиоз-

ные темы.

– Увы, я вынужден вас покинуть, – заявил я, отвесив поклон. – Мне назначен прием у лорда Кромвеля, в Вестминстере.

На молодого человека мое сообщение произвело сильное впечатление, да и на Пеппера тоже, хотя он приложил все усилия, чтобы это скрыть. С самой безразличной миной я вскарабкался в седло и пришпорил Канцлера. Адвокаты – это величайшие сплетники, которых Господь когда-либо посылал на эту грешную землю. Я понимал, что моей деловой репутации отнюдь не повредит, если Пеппер растрезвонит повсюду о личной аудиенции, которой удостоил меня главный правитель. Эта отрадная мысль согревала мне душу, однако удовольствие мое вскоре было отравлено непогодой. Когда я проезжал по Флит-стрит, первые дождевые капли упали на пыльную дорогу, и вскоре дождь хлынул как из ведра. Порывы резкого ветра бросали холодные струи мне в лицо, однако я был вынужден продолжать путь, прикрыв голову капюшоном дорожного плаща.

К тому времени как я добрался до Вестминстерского дворца, дождевые струи превратились в сплошные потоки. Улицы опустели, а с несколькими промокшими до нитки всадниками, попавшимися мне навстречу, мы обменялись сочувственными восклицаниями.

Несколько лет назад король оставил Вестминстер, пере-

бравшись в великолепный новый дворец в Уайтхолле. В настоящее время Вестминстер использовался главным образом для заседаний различных судебных палат. Палата, в которой подвизался Пеппер, была основана сравнительно недавно и занималась перераспределением имущества малых монастырей, ликвидированных в минувшем году. Здесь же располагались конторы служащих лорда Кромвеля, численность которых в последнее время возросла невероятно. Таким образом, Вестминстер являлся весьма оживленным местом.

Обычно во внутреннем дворе во множестве толпились облаченные в черное адвокаты, бурно обсуждавшие подробности недавних процессов. В укромных уголках государственные чиновники приглушенно спорили или строили свои бесконечные заговоры. Но сегодня дождь загнал всех под крышу, и двор был почти пуст. Лишь несколько бедно одетых, насквозь промокших людей понуро стояли у дверей Палаты перераспределения. То, несомненно, были монахи из уничтоженных монастырей. Как видно, они явились в суд, дабы испросить обещанного королевским актом направления в приходы. Чиновник, в обязанности которого входило отвечать на их запросы, отсутствовал, – возможно, то был господин Майнтлинг, встреченный мною у таверны. Внимание мое привлек пожилой человек с гордым и благородным лицом, в одеянии цистерцианского монаха. Капли дождя стекали с его капюшона. Появившись в монашеской одежде по-

близости от кабинета лорда Кромвеля, старик рисковал навлечь на себя новые неприятности.

Бывшие монахи обычно имеют унылый и несчастный вид, но на лицах этих людей застыло выражение самого неизбывного отчаяния. Присмотревшись, я заметил, что взгляды их устремлены к двум большим повозкам, стоявшим у стены. Возчики, на чем свет стоит ругая дождь, заливавший им глаза, торопливо разгружали телеги. Поначалу мне показалось, что они складывают вдоль стен дрова, однако, когда Канцлер подошел поближе, я разглядел, что в телегах нечто иное — ларцы для мощей, распятия, покрытые богатой резьбой, деревянные и гипсовые статуи святых. Я понял, что это предметы церковной утвари, принадлежавшие монастырям, существованию которых реформа положила конец. Все эти реликвии, которым еще совсем недавно поклонялись, как величайшим святыням, ныне валялись под дождем, подобно грудам ненужного хлама. Я невольно содрогнулся, но, поборов неприятное чувство, холодно кивнул бывшим монахам и направил Канцлера в арку.

Поставив жеребца в стойло, я насухо вытерся полотенцем, которое подал мне конюх, и отправился во дворец. Стражник, которому я предъявил письмо лорда Кромвеля, провел меня сквозь лабиринт запутанных коридоров во внутренние покои дворца. Наконечник его начищенного до блеска копья сверкал, подобно путеводной звезде.

Мой провожатый распахнул передо мной тяжелую дверь, по обеим сторонам которой застыли два других стражника, и я оказался в длинном, узком зале, ярко освещенном множеством свечей. Некогда в этом зале стоял огромный трапезный стол, но теперь помещение было сплошь заставлено конторками, за которыми озабоченные клерки разбирали кипы бумаг. Старший из них, круглый коротышка с перемазанными в чернилах пальцами, бросился мне навстречу.

– Господин Шардлейк? Мы не ожидали вас так рано! – воскликнул он.

Поначалу я удивился тому, что коротышка, которого я ни разу в глаза не видел, сразу узнал меня. Но в следующее мгновение я сообразил, что его, должно быть, снабдили описанием моей персоны, а горбуна нетрудно отличить от прочих по одной-единственной примете.

– С утра стояла прекрасная погода, и я проделал путь достаточно быстро, – пояснил я. – Дождь разразился всего несколько минут назад, – счел я необходимым добавить, указывая на свои насквозь промокшие штаны.

– Главный правитель приказал привести вас к нему, как только вы приедете, – заявил коротышка.

Вслед за ним я прошел через весь зал, мимо шелестящих бумагами клерков. Ветер, который мы подняли при ходьбе, заставлял мигать свечи. Только сейчас я начал понимать, какой плотной сетью моему патрону удалось оплести страну. И священники, и представители местных магистратур имели

собственных осведомителей, в обязанность которых входило передавать им все слухи, а также сообщать о малейших проявлениях недовольства, могущих привести к государственной измене. Каждый подобный случай расследовался по всей строгости закона, и наказания из года в год ужесточались. Перемены в церковной сфере уже повлекли за собой одно восстание; несомненно, новый мятеж мог потрясти страну до основания.

Коротышка остановился перед массивной дверью в конце зала. Постучав, он распахнул дверь и вошел.

– Господин Шардлейк, милорд, – провозгласил он с низким поклоном.

В противоположность залу, где работали клерки, кабинет лорда Кромвеля был погружен в полумрак. Лишь свет одного-единственного подсвечника, стоявшего на столе, разгонял по углам тени ненастного дня. Люди, занимающие высокое государственное положение, имеют обыкновение украшать стены своих кабинетов богатыми гобеленами, однако лорд Кромвель обходился без подобных изысков. Вдоль стен сплошь стояли высоченные шкафы со множеством ящиков, повсюду теснились письменные столы, заваленные сообщениями и докладами. В камине горело огромное полено, издававшее громкий треск.

В комнате было так темно, что поначалу я не разглядел лорда Кромвеля. Лишь когда глаза мои привыкли к сумраку,

я различил очертания его приземистой фигуры. Лорд Кромвель стоял у стола в дальнем конце комнаты и, озабоченно нахмурившись, изучал содержимое какой-то шкатулки. Его большой тонкогубый рот изогнулся в пренебрежительной гримасе. Выражение лица патрона не предвещало ничего хорошего. Пожалуй, пришло мне на ум, посмей я чем-то вызвать его нерасположение, он может в любую минуту проглотить меня и даже не подавится. Но тут лорд Кромвель поднял голову, и выражение лица его мгновенно изменилось. Зная его не первый год, я успел привыкнуть к подобным стремительным переменам. На губах его заиграла любезная улыбка, а руку он вскинул в знак приветствия. Я отвесил поклон, такой низкий, на какой только был способен. После долгого пребывания в седле поясица у меня затекла, и я невольно поморщился.

– Входите, входите, Мэтью! – В зычном хриловатом голосе патрона звучала искренняя радость. – Вы отлично справились с делами в Кройдоне. Я очень доволен, что клубок проблем, связанных с Черной Фермой, наконец распутан.

– Рад служить, милорд.

Приблизившись, я заметил, что на нем черный камзол – край его виднелся из-под отороченной мехом мантии. Лорд Кромвель поймал мой взгляд.

– Вы знаете, что королева отошла в лучший мир?

– Да, милорд. Эта печальная новость дошла до меня.

Мне было известно, что после казни Анны Болейн лорд

Кромвель был очень близок с семейством Джейн Сеймур, которое в немалой степени способствовало его карьере.

– Король просто обезумел от горя, – пробурчал лорд Кромвель.

Я бросил взгляд на стол. К моему удивлению, он был заставлен шкатулками и ларцами различных форм и размеров. Насколько я мог судить, все они были сделаны из золота или серебра, многие украшены драгоценными камнями. Сквозь вставки из старого помутневшего стекла я разглядел, что внутри, на бархатных подушках, покоятся лоскутки истлевшей ткани и остатки костей. В том ларце, который лорд Кромвель по-прежнему держал в руках, находился череп ребенка. Главный правитель потрянул шкатулку так, что череп лязгнул зубами. На лице лорда Кромвеля мелькнула угрюмая усмешка.

– Возможно, это вас заинтересует, – процедил он. – Сии священные реликвии привезли сюда, дабы я обратил на них особое внимание.

С этими словами лорд Кромвель поставил шкатулку на стол и указал на латинскую надпись, выведенную на ее крышке.

– Прочтите это, – распорядился он.

– *Barbara sanctissima*, – прочел я вслух и с интересом взглянул на череп, на макушке которого еще сохранилось несколько длинных волос.

– Итак, перед вами череп святой Варвары, – насмешли-

во изрек Кромвель, похлопав по крышке ларца. – Юной девственницы-христианки времен Римской империи. Если вы помните, она была убита собственным отцом-язычником. Да, эти святые мощи прибыли к нам из Клуниатского монастыря в Лидсе.

Лорд Кромвель взял в руки другую шкатулку, серебряную, украшенную крупными камнями, походившими на опалы.

– А вот еще одна святая Варвара, – сообщил он. – На этот раз из Боксгрувского женского монастыря в Ланкашире. – Он рассмеялся коротким хриплым смехом. – Говорят, в Индии водятся двуглавые драконы. А в древние времена, судя по всему, водились двуглавые девицы.

– Господи Иисусе, – пробормотал я, не сводя глаз с черепов. – Хотел бы я знать, кому действительно принадлежали эти бранные останки.

Лорд Кромвель снова рассмеялся отрывистым, похожим на лай смехом и похлопал меня по плечу.

– Узнаю моего Мэтью, – заявил он. – Я знаю, дружище, что вы всегда смотрите в корень. Сейчас мне необходим ваш острый ум. Мой человек из Палаты перераспределения сообщил, что золотая шкатулка и в самом деле сделана во времена Римской империи. Тем не менее она будет отправлена на переплавку вместе со всеми остальными. Что касается черепов, их следует попросту выбросить. Люди не должны поклоняться костям.

– Здесь у вас собралась целая коллекция мощей, – заметил я и отошел к окну.

Дождь по-прежнему хлестал как из ведра, заливая двор, где возчики все еще выгружали церковную утварь из телег. Лорд Кромвель пересек комнату и встал у окна рядом со мной. Несмотря на то что титул пэра предписывал ему носить пурпур, костюм лорда Кромвеля мало чем отличался от моего. На нем была черная мантия и плоская черная шапочка – обычный наряд судейских и канцелярских чиновников. Правда, шапочка была сшита из бархата, а мантия оторочена мехом бобра. Я заметил также, что в длинных каштановых волосах лорда Кромвеля появились седые пряди.

– Это я распорядился привезти сюда весь этот хлам, – сообщил лорд Кромвель, указывая во двор. – Его необходимо как следует высушить. В следующий раз, когда мне доведется сжечь изменника-паписта, я использую эти деревяшки вместо дров, – произнес он с угрюмой усмешкой. – Пусть люди увидят собственными глазами, что на костре из своих святынь еретики визжат так же громко, как и на костре из добрых сосновых поленьев. Пусть увидят, что Господь не собирается приходить на помощь изменникам. – Выражение лица его вновь стремительно изменилось и из зловещего стало озабоченным. – Садитесь же, Мэтью. У нас с вами много дел.

Он уселся за письменный стол и указал мне на стул, стоявший рядом.

Усаживаясь, я невольно поморщился от боли в спине.

– Вид у вас усталый, Мэтью, – заметил патрон, неотрывно глядя на меня своими большими карими глазами. Подобно его лицу, глаза эти беспрестанно меняли выражение и сейчас были холодны и спокойны.

– Да, дорога немного утомила меня, – кивнул я. – Пришлось много времени провести в седле.

Я окинул взглядом стол. Он был завален бумагами, на некоторых из них поблескивала королевская печать. Тут же стояло несколько маленьких золотых шкатулок, которые лорд Кромвель, как видно, использовал в качестве пресс-папье.

– Хорошо, что вам удалось отыскать документы на право владения лесами, – изрек лорд Кромвель. – Не сделай вы этого, рассмотрение дела в суде лорд-канцлера могло затянуться на многие годы.

– Бумаги спрятал у себя бывший казначей монастыря, – пояснил я. – Он взял их, когда монастырь был уничтожен. Несомненно, местные крестьяне хотели, чтобы леса были переданы в общественное пользование. Сэр Ричард подозревал, что бумаги захватил другой помещик, который тоже был не прочь завладеть лесами. Однако я решил для начала потрясти казначея – ведь он был последним, кто имел дело с этими документами.

– Прекрасно. Вы всегда отличались проницательностью, Мэтью.

– Я выследил его в деревенской церкви, где он служил приходским священником. Именно там он хранил документы. Он не долго отпирался и вскоре счел за благо отдать документы мне.

– Вне всякого сомнения, крестьяне заплатили этому пройдохе. Монахи падки на деньги. Вы передали его в руки правосудия, Мэтью?

– Уверен, никаких денег он не получал, – возразил я. – Скорее всего, он просто хотел помочь крестьянам. Земли там бедные, и люди еле сводят концы с концами. Поэтому я решил, что лучше оставить дело без последствий.

Лорд Кромвель откинулся на спинку стула. У губ его задела суровая складка, взгляд стал непроницаемым.

– Так или иначе, Мэтью, этот бывший монах совершил преступление, – процедил он. – В назидание всем прочим вам следовало отдать его под суд. Надеюсь, что впредь вы не будете проявлять излишней снисходительности. Времена сейчас такие, что мне не нужны мягкосердечные помощники, Мэтью. Мне нужны люди, не знающие жалости. – Внезапно глаза его вспыхнули гневом – нечто подобное я наблюдал лишь десять лет назад, во время первой встречи с лордом Кромвелем. – Нация пустоголовых и счастливых дикарей, бессмысленно внимающих слову Божьему, – это не просто «Утопия» Томаса Мора, не просто фантазия закоренелого еретика. Именно об этом мечтала наша разложившаяся, погрязшая в пороках Церковь.

– Да-да, я совершенно согласен с вами.

– Паписты не чураются даже самых грязных средств, чтобы не дать нам возможности построить воистину христианское государство. И клянусь кровью Господа нашего, я тоже готов бороться с ними любыми способами.

– Милорд, поверьте, мне очень жаль, если я совершил ошибку.

– До меня уже доходили слухи о вашем излишнем мягкосердечии, Мэтью, – произнес лорд Кромвель более спокойным тоном. – Я знаю, вы всегда строго блюдете закон. Но возможно, вам порой не хватает божественного огня и рвения.

Лорд Кромвель имел привычку время от времени прямо, не мигая, смотреть в глаза собеседнику, пока тот не почувствует себя побежденным и не опустит глаза. Через несколько секунд, робко подняв голову, злосчастный обнаруживал, что взгляд пронзительных карих глаз по-прежнему устремлен на него. Сейчас патрону вздумалось проделать подобный трюк со мной. Я ощущал, как сердце молотом колотится у меня в груди. Откуда лорду Кромвелю известно о моей апатии, о моих сомнениях и растерянности? Ведь я так тщательно скрывал свои чувства и ни с кем не делился своими соображениями.

– Милорд, я был и остаюсь непримиримым врагом папизма, – заверил я.

Но стоило мне произнести эти слова, мысль о моих бес-

численных предшественниках, твердивших то же самое под этим неумолимым взглядом, о людях, чья верность реформе подвергалась сомнению, сжала мне сердце. Пронзительный укол страха заставил меня содрогнуться, и я несколько раз глубоко вздохнул, надеясь, что лорд Кромвель ничего не заметил. Выдержав томительную паузу, он кивнул.

– У меня есть для вас задание, Мэтью, – изрек он. – Задание, которое вполне отвечает вашим талантам и способностям. От того, как вы его выполните, во многом зависит будущее реформы.

Лорд Кромвель нагнулся, взял со стола маленькую шкатулку и открыл ее. Внутри, на украшенной изящной резьбой серебряной подставке, была укреплена склянка, наполненная каким-то красным порошком.

– Это кровь святого Пантелеймона, с которого язычники заживо содрали кожу, – вполголоса сообщил лорд Кромвель. – Ее доставили из Девона. Монахи утверждали, что ежегодно в день Святого Пантелеймона кровь снова становится жидкой. И каждый год сотни людей устремлялись в этот монастырь, чтобы своими глазами увидеть великое чудо. Паломники на коленях подползали к этой склянке и просили святого об исцелении от недугов. Но посмотрите, в чем тут фокус. – Он перевернул шкатулку. – Видите это маленькое отверстие сзади? В стене, около которой стоит шкатулка, тоже было сделано отверстие, и монах при помощи пипетки наполнял склянку подкрашенной водой. И в результате по-

трясенные люди становились свидетелями чуда.

– Мне уже приходилось слышать о подобных случаях мошенничества, – заметил я, внимательно рассматривая шкатулку. Я даже сунул палец в отверстие в задней стенке.

– Вся жизнь в монастырях проникнута обманом, – с пылом заявил лорд Кромвель. – Обманом, мошенничеством, стяжательством, идолопоклонничеством. Втайне все они по-прежнему хранят верность римскому епископу. – Он перевернул шкатулку, так что несколько крупинок красного порошка просыпалось из склянки на стол. – Монастыри – это язва на теле нашей страны, и я выжгу эту язву каленым железом.

– Да, начало этому положено. Малые монастыри уже уничтожены.

– Это всего лишь царапина на поверхности. Однако деньги, которые мы забрали у малых монастырей, разожгли аппетит короля. Теперь ему хочется поскорее добраться до больших, тех, что располагают значительными средствами. Подумать только, в стране две сотни монастырей, и им принадлежит шестая часть всех богатств Англии!

– Вы уверены, что это правда? Монастыри действительно так богаты?

Лорд Кромвель кивнул:

– В этом нет никаких сомнений. Но после мятежа, что вспыхнул прошлой зимой, когда две тысячи изменников потребовали восстановления монастырей, я предпочитаю дей-

ствовать осторожно. Король заявил, что более не желает идти напролом, и он совершенно прав. И теперь, Мэтью, я хочу добиться, чтобы монастыри добровольно давали согласие на собственный роспуск.

– Но трудно представить, чтобы...

По губам лорда Кромвеля пробежала кривая ухмылка.

– Не спешите возражать, Мэтью. Как говорится, даже для того, чтобы убить свинью, существует несколько способов. А теперь прошу вас, слушайте внимательно. Я намерен поделиться с вами секретными сведениями.

Он наклонился ко мне и заговорил тихо, но внятно:

– Два года назад, когда проводилась инспекция монастырей, я требовал, чтобы все факты, свидетельствующие о падении нравов среди монахов, брались на учет. – Он кивнул в сторону шкафов, стоявших вдоль стен. – Все эти сведения хранятся здесь. Описания случаев содомии, блуда, подстрекательства к измене. А также тайной продажи ценного монастырского имущества. В каждом монастыре у меня есть свои осведомители, и число их неуклонно растет. – Губы лорда Кромвеля вновь тронула угрюмая усмешка. – Мне пришлось казнить в Тайборне дюжину аббатов, и, должен сказать, я правильно выбрал для этого время. Церковники поняли, что мне лучше не перечить. Я сумел запугать их, заставил беспрекословно выполнять мои распоряжения.

И, усмехнувшись, он неожиданно подбросил шкатулку в воздух, поймал ее и опустил на стол между бумагами.

– Мне удалось убедить короля выбрать дюжину монастырей и подвергнуть их особенно сильному давлению, – продолжал лорд Кромвель. – В течение двух последних недель я послал в эти монастыри своих представителей с предложением добровольно дать согласие на роспуск. В этом случае всем монахам будет назначено денежное пособие, причем для аббатов – весьма значительное. В противном случае монастыри будут подвергнуты судебному преследованию. Так, монастырю в Льюисе будет предъявлено обвинение в подстрекательстве местных жителей к государственной измене. По поводу других мы тоже располагаем сведениями самого порочащего характера. Я не сомневаюсь, как только мне удастся добиться от нескольких монастырей добровольного согласия на роспуск, все прочие осознают, что игра проиграна, и предпочтут отказаться от сопротивления. Эмиссары были отправлены, и все шло именно так, как я рассчитывал. До вчерашнего дня. – Лорд Кромвель взял со стола какое-то распечатанное письмо. – Вы слышали о монастыре в Скарнси, Мэтью?

– Нет, милорд.

– В этом нет ничего удивительного. Так вот, это старинный бенедиктинский монастырь, расположенный на границе Кента и Сассекса. Что касается города, то это порт на берегу Ла-Манша, ныне пребывающий в полном запустении. Монастырь, подобно многим другим, издавна являлся прибежищем зла, порока и измены. Согласно сведениям, кото-

рые предоставил нам местный мировой судья, убежденный сторонник реформ, в последнее время аббат распродает монастырские земли по заниженным ценам. Я послал туда Робина Синглтона разобраться во всем этом деле.

– Я знаю Синглтона, – сообщил я. – Как-то раз мне пришлось выступать против него в суде. Он, бесспорно, человек весьма волевой и решительный. – Я помолчал несколько секунд и добавил: – Впрочем, опытным адвокатом его не назовешь.

– Для дела, которое я поручил ему, особой искушенности в судебных увертках не требовалось, – заявил лорд Кромвель. – Да, он, как вы выразились, человек волевой и решительный, и именно на эти качества я рассчитывал. Мы располагали лишь косвенными свидетельствами, и я надеялся, что Синглтон сумеет запугать монастырских пройдох, обойдясь без веских доказательств. Впрочем, в помощь ему я дал большого знатока канонического права, профессора Кембриджа и убежденного реформатора по имени Лоренс Гудхэпс.

Лорд Кромвель покопался в лежавших на столе бумагах и протянул мне письмо.

– Вот что я получил от Гудхэпса вчера утром.

Письмо было нацарапано торопливыми каракулями на листе бумаги, вырванном из бухгалтерской книги.

Милорд!

Я пишу вам в спешке, намереваясь отправить

это письмо с мальчиком из города, ибо я не питаю доверия ни к кому из обитателей монастыря. Господин Синглтон убит, причем самым изуверским способом. Этим утром его нашли на монастырской кухне лежащим в луже крови с отрубленной головой. Несомненно, это злодеяние совершил кто-то из врагов вашей светлости. Впрочем, все монахи в один голос отрицают свою причастность к убийству. Той же ночью здешняя церковь была осквернена и хранившиеся там мощи Раскаявшегося Вора с окровавленными гвоздями исчезли. Я сообщил о случившемся мировому судье, и мы с ним внушили аббату необходимость хранить молчание. Мы опасаемся, что, если это печальное событие будет предано огласке, последствия могут оказаться непредсказуемыми.

Милорд, прошу вас, незамедлительно пришлите в монастырь своего представителя и сообщите, как мне следует поступить.

Лоренс Гудхэпс

– Итак, ваш эмиссар убит?

– Похоже на то. Старик Гудхэпс, судя по всему, пребывает в полном смятении.

– Но если убийство совершил монах, подобное преступление лишь приблизит упразднение монастыря.

– Да, мы с вами понимаем это, но не убийца, – покачал головой Кромвель. – Полагаю, это злодеяние – дело рук фанатика, безумца, который ненавидит нас так сильно, что ненависть пересиливает страх. Но прежде всего меня волнуют

последствия этого дела. Я уже объяснял, почему мне так важно добиться добровольного роспуска хотя бы нескольких монастырей. Необходим, так сказать, прецедент. Английские законы и английские традиции основаны на прецеденте.

– Да, а здесь мы сталкиваемся с прецедентом совсем иного толка.

– Вы, как всегда, правы. Удар нанесен по власти короля. Старик Гудхэпс поступил совершенно правильно, приложив все усилия, чтобы замять шум. Если эта история получит широкую огласку, все фанатики, которых, я уверен, в монастырях хватает с избытком, воспримут ее как руководство к действию.

– Королю известно о случившемся?

Кромвель вновь устремил на меня пронзительный взор.

– Если я сообщу об этом королю, избежать огласки нам никак не удастся, – медленно проговорил он. – Несомненно, король придет в ярость. Скорее всего, он пошлет в Скарнси солдат и прикажет вздернуть аббата на церковном шпиле. Таким образом, весь мой план будет разрушен. Нет, это преступление необходимо раскрыть быстро и в обстановке полной секретности.

Я прекрасно понимал, куда клонит патрон. Спина моя отчаянно разболелась, вынуждая меня ерзать на стуле.

– Я хочу, чтобы вы немедленно отправились в монастырь, Мэтью, – заявил лорд Кромвель. – В качестве главного пра-

вителя я наделяю вас всеми необходимыми полномочиями. Вы имеете право отдавать любые приказы, получать доступ к любым документам.

– Осмелюсь заметить, милорд, возможно, подобное задание имеет смысл возложить на человека, лучше меня знающего монастырский обиход. Откровенно говоря, я никогда не имел официальных дел с монахами.

– Однако вы воспитывались в монастырской школе, Мэтью, и, следовательно, знаете монастырский обиход достаточно хорошо. Эмиссары, которых я обычно посылаю в монастыри, способны навести на монахов страх, но в данном случае требуется осмотрительность и осторожность. Я бы даже сказал, известная деликатность. Вы можете полностью доверять мировому судье Копингеру. Я никогда не встречал его лично, но, судя по письмам, он является убежденным сторонником реформ. Больше ни одна живая душа в городе не должна знать о случившемся. К счастью, покойный Синглтон не имел семьи, и, значит, скорбящие родственники не будут нам докучать.

– Какими сведениями об этом монастыре мы располагаем? – спросил я, подавив сокрушенный вздох.

Лорд Кромвель полистал огромную книгу. Я узнал одну из копий «Комперты», подробного отчета о ревизии монастырей, проведенной два года назад. Наиболее впечатляющие фрагменты этого отчета зачитывались на заседании парламента.

– Монастырь был возведен еще во времена древних норманнов, он владеет плодородными землями и прекрасными постройками. Ныне в нем проживает тридцать монахов и не менее шестидесяти служек. Как это и положено у бенедиктинцев, они сами полностью обеспечивают собственные нужды. Согласно отчету посетившего монастырь эмиссара, церковь украшена с чрезмерной пышностью, вся заставлена гипсовыми статуями святых. В монастыре хранятся, то есть хранились некие мощи, якобы принадлежавшие разбойнику, распятому рядом со Спасителем. Они представляют собой руку, прибитую гвоздями к куску дерева, который, по утверждениям монахов, является частью креста. Предполагается, что эта святыня исцеляет калек и увечных, и потому люди приходят издалека, дабы прикоснуться к мощам.

Произнеся последние слова, лорд Кромвель бросил невольный взгляд на мою скрюченную спину; должен признать, не он один поступал подобным образом при упоминании об увечных.

– Судя по письму Гудхэпса, именно эта реликвия пропала в ночь убийства Синглтона.

– Да. К тому же мой эмиссар выяснил, что монастырь в Скарнси является рассадником мужеложства. Впрочем, все эти святые обитатели на поверку оказались настоящими прифонами содомитов. Бывший приор, осквернивший себя подобным грехом, был, разумеется, смещен. Согласно новому законодательству, содомия карается смертной казнью. Кста-

ти, это дает нам дополнительные возможности воздействия на монахов. Я рассчитывал, что Синглтон не только расследует дело с продажей земли, о котором мне писал Копингер, но и проверит, сумели ли монахи обуздать свои похоти.

Все, что я услышал от патрона, заставило меня погрузиться в раздумья.

– Ситуация, насколько я понимаю, чрезвычайно запутанная, – заметил я наконец.

– Именно так, – кивнул лорд Кромвель. – Поэтому я намерен послать в монастырь не просто преданного человека, но человека, наделенного острым и проницательным умом, – такого, как вы, Мэтью. Я уже распорядился отправить к вам домой бумаги, подтверждающие ваши полномочия, а также копии соответствующих глав «Комперты». Завтра вам предстоит тронуться в путь. Письмо Гудхэпса было написано три дня назад, а для того чтобы добраться до места, вам потребуется еще три дня. В это время года дороги превращаются в болота.

– До сегодняшнего дня осень стояла на редкость сухая, и дороги, насколько я мог судить, пребывают не в столь уж плачевном состоянии. Полагаю, я сумею добраться до монастыря за два дня.

– Превосходно. Слуг с собой не берите. О том, куда направляетесь, не говорите никому, кроме вашего подопечного Марка Поэра. Он по-прежнему живет с вами под одной крышей?

– Да. Когда мне случается уехать из Лондона, он ведет мои дела.

– Мне бы хотелось, чтобы он сопровождал вас в предстоящей поездке. Я слышал, что этот малый отличается умом и сметливостью. И в любом случае неплохо, если на вашей стороне будет лишняя пара крепких рук.

– Но, милорд, возможно, мое расследование будет сопряжено с опасностью. К тому же, говоря откровенно, Марк не отличается особым религиозным рвением и не разбирается во всех этих вопросах, связанных с монастырями и папизмом.

– Ему вовсе ни к чему в них разбираться. Главное, чтобы он сохранял верность короне и выполнял все ваши поручения. А если ваше расследование увенчается успехом, это поможет молодому господину Поэру вновь поступить на службу в Палату перераспределения. О скандале, который разразился по его милости, тогда можно будет забыть.

– Марк вел себя на редкость глупо, милорд. Ему следовало знать, что для человека его сословия любовь к дочери рыцаря – непростительная дерзость. – Я глубоко вздохнул. – Но он еще так молод.

– Если бы о его проступке стало известно королю, то, можете не сомневаться, он приказал бы высечь вашего Марка кнутом, – проворчал лорд Кромвель. – Кстати, по отношению к вам ваш протеже проявил черную неблагодарность. Ведь это вы устроили его на службу в Палату.

– Я считал своим долгом помочь ему, милорд. Чем-то вроде семейного обязательства.

– Так или иначе, если во время вашей совместной поездки он проявит себя с лучшей стороны, я попрошу Рича вновь сделать его клерком, то есть взять на то самое место, которое я подыскал ему по вашей просьбе, – любезно произнес лорд Кромвель.

– Я вам глубоко признателен, милорд.

– Мне пора отправляться в Хэмптон, Мэтью. Я должен попытаться уговорить короля пересилить скорбь и вновь приступить к государственным делам. Помните, расследование необходимо проводить в обстановке строжайшей секретности. Ни одно слово, ни одно письмо не должно проникнуть за пределы монастыря.

С этими словами лорд Кромвель поднялся и, обойдя вокруг стола, положил руку мне на плечо. Все его приближенные знали, что этот жест является знаком особого расположения.

– Уверен, вы быстро отыщете преступника и, главное, сумеете избежать огласки, – с улыбкой произнес он.

Пошарив на столе между бумагами, он вручил мне крохотную золотую шкатулку. Сквозь стеклянную крышку я рассмотрел еще одну склянку, в которой плескалось несколько капель мутной жидкости.

– Что вы об этом думаете, Мэтью? – осведомился лорд Кромвель. – Может, вы способны определить, из чего это

сделано? Лично я не в состоянии.

– Что это?

– Реликвия, в течение ста лет хранившаяся в Билстонском женском монастыре. Считалось, что это молоко Пресвятой Девы.

Я вскрикнул от отвращения, и Кромвель расхохотался:

– Меня удивляет, как они себе представляли процесс получения этого молока от Девы Марии. Но взгляните: оно, по-видимому, помещено туда совсем недавно, иначе как бы оно оставалось в жидком состоянии? Я ожидал, что в задней стенке у этой шкатулки тоже есть отверстие, как у той, с кровью святого Пантелеймона. Ан нет, ничего подобного я не обнаружил. Шкатулка сделана так, что открыть ее нельзя. Посмотрите сами. Вот, возьмите это. – и он протянул мне увеличительное стекло, которое обычно используют ювелиры.

Я тщательно осмотрел шкатулку со всех сторон, но не нашел даже мельчайшего отверстия. Напрасно я вертел в руках крошечный золотой ящичек – мне не удалось нащупать потайное устройство, при помощи которого шкатулку можно открыть.

– Загадочная вещица, – признал я, возвращая шкатулку лорду Кромвелю. – Похоже, открыть ее действительно невозможно.

– Очень жаль, – вздохнул он. – Я хотел показать эту вещицу королю. Возможно, это позабавило бы его.

Он проводил меня до дверей и распахнул их, не снимая

руки с моего плеча. Все клерки, работавшие в просторном зале, видели, какая милость мне оказана. Но тут взгляд мой упал на два черепа, стоявшие в углу зала. Зубы их насмешливо скалились, в пустых глазницах играли отсветы свечей. По телу моему пробежала невольная дрожь. Отчаянным усилием я попытался сдержать ее, ибо патрон, по-прежнему обнимавший меня за плечи, мог ощутить, что со мной что-то неладно.

Глава 2

К счастью, когда я покинул Вестминстер, дождь наконец прекратился. В сумерках я добрался до собственного дома. Беседа с лордом Кромвелем встревожила меня не на шутку. Только сейчас я осознал, как привык пользоваться его расположением; мысль о том, что в любую минуту я могу это расположение утратить, заставила меня содрогнуться. Но более всего насторожило его замечание по поводу нехватки у меня огня и рвения, сделанное столь укоряющим тоном. Впредь, решил я, мне следует быть осмотрительнее.

В начале этого года я приобрел просторный новый дом на Канцлер-лейн, широкой просторной улице, названной в честь главы правительства его величества; по странному стечению обстоятельств точно такое же имя носила моя лошадь. Дом, крепкий, каменный, со стеклянными окнами, стоил мне целого состояния. Дверь открыла Джоан Вуд, моя домоправительница, которую мой приезд искренне обрадовал. Эта добродушная вдова, после смерти мужа лишившаяся каких-либо средств к существованию, служила у меня уже несколько лет. Ей нравилось окружать меня материнской заботой, чему я ничуть не препятствовал, хотя подчас она держалась с излишней фамильярностью.

Я страшно проголодался и потому попросил Джоан подать ужин пораньше. Выслушав ее заверения в том, что кушанья

скоро будут на столе, я отправился в гостиную. Эта комната служила предметом моей особой гордости: деревянные панели, которыми были обшиты ее стены, я собственноручно расписал лесными пейзажами. В камине весело потрескивали поленья, а у огня, на низкой табуретке, сидел Марк. Он представлял собой довольно странное зрелище. Рубашку он снял, обнажив белую мускулистую грудь, и, нимало не смущаясь собственной наготы, пришивал к вороту рубашки огромную агатовую пуговицу, покрытую затейливой резьбой. Рядом с ним лежала подушечка, в которую было воткнуто не менее дюжины иголок, каждая – с длинной белой ниткой. Застать Марка за подобным занятием показалось мне настолько забавным, что я невольно рассмеялся.

Марк поднял голову и расплылся в своей обычной широкой улыбке, обнажив прекрасные зубы, быть может чуть крупноватые.

– Я знаю, что вы еще днем приехали в Лондон, сэр, – сообщил он. – Курьер лорда Кромвеля привез вам какой-то пакет и сказал, что вы вернулись. Извините, что я не встаю. Если поднимусь, непременно потеряю какую-нибудь из этих проклятых иголок.

Несмотря на улыбку, в глазах Марка мелькнула настороженность. Он догадывался, что лорд Кромвель во время разговора со мной мог упомянуть об одной неприятной истории, героем которой являлся мой легкомысленный протеже.

Пробормотав что-то нечленораздельное в ответ на при-

ветствие Марка, я окинул его взглядом. Каштановые волосы юноши были коротко подстрижены. Король Генрих, вынужденный коротко стричься для того, чтобы скрыть растущую лысину, приказал всем придворным следовать своему примеру; таким образом, короткие стрижки вошли в моду. Марка новая прическа, безусловно, красила; что до моих собственных волос, я не торопился обрезать их, считая, что длинные пряди больше идут к моему угловатому неправильному лицу.

– Что это ты вздумал портняжничать, Марк? Разве Джоан не могла пришить тебе пуговицы?

– Она была слишком занята, готовилась к вашему приезду. Мне не хотелось ее отвлекать.

Я подошел к столу и взял лежавший на нем пухлый том.

– О, я вижу, ты читаешь Макиавелли.

– Вы же сами посоветовали мне почитать его.

– Ну и как тебе нравится эта книга? – спросил я, опускаясь в мягкое кресло.

– Не слишком, – пожал плечами Марк. – Насколько я понимаю, Макиавелли советовал своему герцогу строить власть на хитрости и жестокости.

– Да, он полагал, что подобные качества необходимы сильному правителю, – кивнул я. – А еще он считал, что призывы к добродетели, которыми так богаты книги, не имеют ничего общего с действительностью. «Если правитель, который желает править честно, окружен бессовестны-

ми людьми, его падение неизбежно», – процитировал я.

– Это слишком горькая мудрость, – заметил Марк, откусив нитку.

– Так ведь и судьба Макиавелли была горькой. Он написал эту книгу после того, как герцог Медичи, которому она посвящена, подверг его жестокому наказанию. Когда ты вернешься в Вестминстер, тебе лучше не болтать о том, что ты ее читал. Там не слишком-то одобряют подобные идеи.

В глазах Марка вспыхнул радостный огонек.

– Я могу вернуться в Вестминстер? Неужели лорд Кромвель...

– Вероятно, вскоре тебе будет предоставлена такая возможность. Мы поговорим об этом за ужином. А сейчас я хочу немного отдохнуть. День сегодня выдался трудный.

С этими словами я тяжело поднялся с кресла и направился к дверям, предоставив Марку без помех заниматься рукоделием.

Джоан и в самом деле отлично подготовилась к моему приезду: в комнате моей полыхал камин, постель была приготовлена, и зажженная свеча горела на столе рядом с моей главной ценностью – новейшим изданием Библии на английском языке. На душе у меня стало легче, когда я увидел эту книгу. Лежащая на столе в самом центре комнаты, в ярком круге света, она неодолимо притягивала к себе взор. Я открыл Библию и погладил пальцами выпуклые готические

буквы, в свете свечи сверкавшие нарядным глянцем. Рядом с Библией я заметил большой пакет с бумагами. Срезав круглую красную печать перочинным ножом, я обнаружил в пакете подтверждающее мои полномочия письмо, написанное энергичным почерком лорда Кромвеля, переплетенный в кожу том «Комперты» и документы, относящиеся к монастырю в Скарнси.

Несколько мгновений я постоял у окна, глядя в сад, который в сгущавшихся сумерках казался таким мирным и спокойным. Близилась зима, и больше всего мне хотелось провести ее дома, в тепле и уюте. Но уже завтра я должен был снова отправиться в путь. Тяжело вздохнув, я растянулся на мягкой постели, с наслаждением ощущая, как расслабляются мои усталые мускулы. Завтра мне вновь предстояла длительная поездка верхом, а с каждым годом подобные испытания становились для меня все более трудными и мучительными.

Увечье мое стало заметно, когда я достиг трехлетнего возраста. Я начал сгибаться вперед и вправо, и никакие корсеты не могли этому воспрепятствовать. К пяти годам я превратился в настоящего горбуна, каковым и остаюсь по сей день. Я всегда завидовал мальчишкам и девчонкам, живущим поблизости от нашей фермы. Они могли бегать, прыгать и играть, а мне, неуклюжему увальню, оставалось лишь служить предметом насмешек. Нередко, заливаясь слезами, я взывал

к Господу и даже корил Его за несправедливость.

Отцу моему принадлежали прекрасные пахотные угодья и пастбища неподалеку от Личфилда. Я был единственным сыном, ибо все мои братья и сестры умерли в младенчестве, и то, что его наследник никогда не сможет работать на земле, служило для отца источником постоянной печали. Я ощущал эту печаль особенно остро, хотя отец никогда не упрекал меня. Лишь однажды он спокойно заметил, что близится пора, когда старость и телесные недуги не позволят ему работать. Вскоре нам придется нанять управляющего, сказал отец. Он рассчитывал, что управляющий поможет мне справиться с хозяйством и после того, как я останусь один.

Мне было шестнадцать, когда на нашу ферму прибыл управляющий. Я ожидал его с предвзятым чувством, но стоило Уильяму Поэру появиться на пороге нашего дома, как все мое предубеждение исчезло без следа. Этот крупный темноволосый человек с румяным открытым лицом располагал к себе с первого взгляда. Своей сильной мозолистой рукой он сжал мою, слабую и изнеженную, и представил меня своей жене – миловидному белокурому созданию. За подол ее платья держался Марк, толстощекий крепыш, который уставился на меня, не вынимая изо рта грязного пальца.

К тому времени уже было решено, что я отправлюсь в Лондон, дабы получить образование в Юридической корпорации. В то время всякий, кто хотел финансовой независимости для своего сына, посылал его учиться на адвоката

– при условии, разумеется, что отпрыск обладал пригодными для обучения мозгами. Отец полагал, что знание законов поможет мне не только зарабатывать деньги, но и наблюдать за работой управляющего. Он надеялся, что, закончив курс, я вернусь в Личфилд, чего я не сделал.

Я прибыл в Лондон в 1518-м, год спустя после того, как Мартин Лютер бросил вызов Папе у дверей церкви в Виттенберге. Помню, как тяжело мне было привыкнуть к городскому шуму, к снующим по улицам толпам и к постоянной вони, которая раздражала меня сильнее всего. Однако же я быстро сошелся с товарищами по обучению. То были дни жарких дискуссий, когда специалисты по общему праву возражали против распространившегося употребления клерикальных законов. Я был заодно с теми, кто утверждал, что королевские суды должны быть свободны от влияния церкви, ибо, если предметом разбирательства служит нарушение условий договора или клевета, церковники тут совершенно ни при чем. Ограждение суда от церковных посягательств являлось, по моему разумению, необходимым залогом его успешной работы. Но в те годы церковь, подобно гигантскому спруту, протягивала свои щупальца во все сферы государственной жизни, вождедая все больших выгод и позабыв про заветы Священного Писания. Я с жадностью прочел Эразма, и это еще сильнее поколебало то раболепное почтение, которое я с детства питал к церкви. У меня были веские причины испытывать неприязнь к монахам, и теперь я убедился в

том, что имею на это полное право.

Закончив курс обучения, я начал обрастать связями и заводить собственные дела. У меня открылся неожиданный талант к судебным прениям, который помогал мне выигрывать самые запутанные процессы. В конце 1520-х годов, когда противоречия между Папой и королем, пожелавшим развестись с Екатериной Арагонской, достигли особого накала, я был представлен Томасу Кромвелю, правоведа, занимавшему высокое положение в штате кардинала Уолси.

Я встретил его на собрании общества сторонников реформы, которое происходило в одной из лондонских таверн – собиралось тайно, ибо многие книги, которые мы с пылом обсуждали на наших заседаниях, находились под запретом. Познакомившись со мной, Кромвель начал привлекать меня к некоторым делам, находившимся в его ведении. Таким образом я вышел на широкую стезю и отныне неотрывно следовал за Кромвелем, который, избавившись от Уолси, совершил стремительное восхождение, став секретарем короля, верховным уполномоченным и главным правителем. Следует сказать, что все это время он скрывал от монарха, как велика степень его религиозного радикализма.

Кромвель начал обращаться ко мне за помощью в вопросах законодательства, которые так или иначе касались людей, находившихся под его покровительством. Таких людей становилось все больше, ибо он стремился создать разветвленную сеть. Постепенно и сам я стал известен как «человек

Кромвеля». Поэтому, когда четыре года назад отец спросил меня в письме, не могу ли я устроить сына Уильяма Поэра в какое-нибудь государственное ведомство, находящееся под патронажем лорда Кромвеля, я ответил согласием.

Марк прибыл в Лондон в апреле 1533 года и стал свидетелем коронации Анны Болейн. Пышные торжества в честь женщины, которая впоследствии была объявлена ведьмой и блудницей, доставили юноше немалое удовольствие. Ему было тогда шестнадцать, столько же, сколько и мне, когда я оставил родной дом. Роста Марк был невысокого, зато отличался крепким и пропорциональным сложением. На нежном, ангельском лице сияли огромные голубые глаза, которые он унаследовал от матери. Впрочем, во взоре этих небесных глаз светились ум и наблюдательность – качества, которые, несомненно, являлись личными достоинствами Марка.

Признаюсь, когда Марк прибыл в мой дом, я собирался избавиться от него как можно скорее. У меня не было ни малейшего желания опекать мальчишку, который, вне всякого сомнения, нарушит заведенный мною порядок, начнет громко хлопать дверьми и повсюду разбрасывать бумаги. К тому же одним своим видом Марк напоминал мне о покинутом отчем доме, и эти воспоминания погружали мою душу в печаль. Подчас я представлял своего бедного одинокого отца, которому, наверное, отчаянно хотелось иметь своим сыном этого пышущего здоровьем юнца, а не слабосильного горбуна.

Но постепенно я привык к обществу Марка и более не находил его докучливым. В противоположность моим ожиданиям юноша отнюдь не походил на деревенского увальня; напротив, он мог служить образчиком скромности и благовоспитанности и даже имел некоторое представление о хороших манерах. Впрочем, на первых порах ему нередко случалось совершать промашки по части этикета, – как правило, они касались костюма или поведения за столом. И всякий раз, когда я указывал ему на ошибки, он воспринимал мои замечания с неизменным благодушием и не считал зазорным смеяться над собственной неосведомленностью. Я устроил его на должность младшего клерка и получал о своем подопечном самые что ни на есть хвалебные отзывы. Поначалу Марк служил в Казначействе, потом перешел в Палату перераспределения монастырского имущества. Мы по-прежнему разделяли с ним кров, но я предоставил юноше полную свободу приходить и уходить, когда ему заблагорассудится. Надо сказать, даже если Марку и случалось посещать в компании подобных себе юнцов таверны или публичные дома, я ни разу не видел его пьяным и не слышал от него ни единого грубого слова.

Против собственной воли я постепенно привязался к Марку. У меня вошло в привычку, сталкиваясь со сложными и запутанными случаями, прибегать к советам юноши, наделенного на редкость пронизательным и острым умом. Естественно, помимо перечисленных достоинств, Марк об-

ладал и недостатками, главным из которых была лень. Впрочем, достаточно мне было выразить свое недовольство, как юноша с пылом принимался за работу. Я упоминал уже о своих горьких мыслях по поводу того, что отец мой наверняка хотел бы видеть своим сыном Марка, а не меня. Признаюсь, вскоре мысли эти уступили место сожалению о том, что Марк не мой собственный сын. В том, что у меня когда-либо появится наследник, я очень и очень сомневался, ибо Кейт, к которой я был привязан всем сердцем, умерла в 1534 году во время эпидемии чумы. В память о ней я до сих пор носил траурное кольцо, на что, признаюсь, не имел ни малейших оснований. Останься Кейт в живых, она, разумеется, вышла бы за другого.

Час спустя Джоан позвала меня ужинать. На столе уже красовался жирный каплун с гарниром из моркови и репы. Марк сидел на своем месте, в пресловутой рубашке, которая стоила ему стольких трудов, и куртке из тонкой коричневой шерсти. Я заметил, что куртку он тоже не преминул украсить агатовыми пуговицами. Усевшись за стол, я произнес благодарственную молитву и отрезал от каплуна ножку.

– Похоже, удача вновь повернулась к тебе, – нарушил я молчание. – Вполне возможно, лорд Кромвель вскоре разрешит тебе вернуться на службу в Палату перераспределения. Но прежде всего он хочет, чтобы ты помог мне в выполнении одного важного поручения. Покажи, на что ты способен, а

там посмотрим.

Полгода назад Марк вздумал пофлиртовать с одной из фрейлин королевы Джейн. Девушке едва исполнилось шестнадцать, и, бесспорно, она была слишком молода и глупа для придворной жизни. Тем не менее благодаря усилиям честолюбивых родственников помянутая девица оказалась при дворе. В результате она принесла своему семейству не честь, а бесчестье, ибо, изнывая от скуки, долго бродила по дворцу, пока не попала в просторный зал, где оказалась в окружении адвокатов и клерков. Там маленькая распутница встретила Марка, и охваченная внезапной страстью парочка уединилась в одном из пустых кабинетов, дабы удовлетворить свою похоть. Впоследствии незадачливая фрейлина имела глупость разболтать о случившемся своим товаркам; разумеется, вскоре слухи дошли и до главного придворного камергера. В результате девицу поспешно отправили домой, а бедному Марку пришлось сполна заплатить за несколько минут удовольствия. Растерянный и испуганный, он предстал перед грозными очами высших государственных чиновников и вынужден был отвечать на самые нескромные и откровенные вопросы. Естественно, я был зол на своего легкомысленного подопечного, однако не мог не сочувствовать ему; в конце концов, Марк был еще совсем мальчишкой. Стремясь вызволить Марка из беды, я обратился к лорду Кромвелю с просьбой положить конец этому делу. Главный правитель снисходительно относился к провинностям подобно-

го рода, и просьба моя была удовлетворена.

– Я очень благодарен вам, сэр, – сказал Марк в ответ на мое сообщение о данном нам поручении. – И поверьте, я очень сожалею о случившемся.

– Тебе повезло. Людям нашего сословия редко представляется повторный шанс. Особенно после того, как они совершают столь вызывающие проступки.

– Я знаю, что вел себя непозволительно. Но она... она такая необыкновенная девушка, сэр, – пробормотал Марк. – Такая смелая. И поверьте, это была не только похоть.

– Она просто глупая девчонка, а ты – безмозглый юнец. Однако тебе уже должно быть известно, что в результате подобных развлечений на свет появляются дети.

– Если бы такое случилось, я непременно женился бы на ней, – с пылом заявил Марк. – Не думайте, сэр, что я лишен чести.

Отправив в рот кусок каплуна, я махнул ножом в сторону Марка, приказывая ему замолчать. Эту тему мы с ним обсуждали не раз.

– Вижу, я был совершенно прав, когда назвал тебя безмозглым юнцом, – прожевав, вздохнул я. – Неужели ты не понимаешь, что ни о каком браке между вами не могло быть и речи? Между тобой и этой девицей пролегает пропасть. Марк, как бы ты ни был глуп, ты все же четыре года прослужил в государственном учреждении. А значит, должен иметь представление об отношениях между сословия-

ми. Нам, простым людям, следует знать свое место. Конечно, бывает так, что человек низкого происхождения, подобно Кромвелю или Ричу, достигает больших высот. Но своим возвышением они обязаны лишь прихоти короля. В любую минуту его отношение к ним может измениться, и тогда их ожидает падение. Если бы главный камергер сообщил о твоих шашнях с фрейлиной королю, а не лорду Кромвелю, тебе не миновать бы Тауэра. Да и кнут хорошенько прогулялся бы по твоей спине, оставив рубцы на всю жизнь. У меня мурашки бегут по коже, когда я думаю о том, что могло бы случиться.

Говоря так, я отнюдь не кривил душой. И в самом деле, история с Марком стоила мне нескольких бессонных ночей, хотя я никогда ему в этом не признавался. Марк сидел молча, смущенно потупившись. Покончив с едой, я ополоснул руки в специальной чаше.

– Но теперь тучи над твоей головой, кажется, развеялись, – примирительно заметил я. – Так что поговорим лучше о делах. Ты подготовил все документы о передаче имущества Феттер-Лейн?

– Да, сэр.

– Я просмотрю их после ужина. Сегодня мне надо изучить еще кое-какие бумаги. – Я сложил салфетку и добавил, пристально глядя на Марка: – Завтра мы с тобой отправляемся на южное побережье.

Вкратце я объяснил ему суть порученного нам дела, умол-

чав, впрочем, о его политическом значении. У Марка глаза на лоб полезли от удивления, когда я рассказал ему об убийстве. Подавленность его исчезла без следа, и к нему вновь вернулось свойственное юности оживление.

– Выполнение этого поручения может быть связано с опасностью, – предупредил я. – Мы не имеем ни малейшего представления о том, что произошло там на самом деле, и должны быть готовы к любому повороту событий.

– Я вижу, сэр, что вы обеспокоены.

– Еще бы, ведь это чрезвычайно ответственная миссия. И скажу тебе откровенно, перспектива путешествия в Сассекс не слишком меня радует. Я предпочел бы остаться дома, – сообщил я со вздохом. – Однако, подобно Исаие, мы с тобой должны встать на рассвете и вступить в сражение за Сион.

– Если вы выполните поручение лорда Кромвеля, вас наверняка ждет награда, – заметил Марк.

– Я рассчитываю лишь заслужить его одобрение, – отрезал я.

Марк бросил на меня недоуменный взгляд, и я счел за благо сменить тему разговора.

– Тебе ведь еще ни разу не доводилось бывать в монастыре? – спросил я.

– Нет, – покачал он головой.

– Ты ходил в светскую школу, а значит, не имел возможности воспользоваться теми сомнительными преимуществами, что дает школа церковная. Увы, монахи столь мало све-

души в латыни, что с трудом сами разбирают древние книги, по которым пытаются учить. Если бы не мои природные способности, я был бы сейчас столь же безграмотным, как наша Джоан.

– А нравы в монастырях действительно до такой степени развратны, как об этом говорят? – полюбопытствовал Марк.

– Вижу, ты уже ознакомился с «Черной книгой», с выдержками из отчетов о проведенных в монастырях инспекциях.

– Да, как и большинство жителей Лондона.

– Людям нравятся истории о распутных и похотливых монахах, – произнес я и замолчал, так как в комнату вошла Джоан с блюдом заварного крема. – Тем не менее слухи недалеки от истины. В монастырях и в самом деле царят разврат и разложение, – вновь заговорил я, когда дверь за Джоан закрылась. – Правила, установленные святым Бенедиктом, с которыми я в свое время ознакомился, предписывают монахам вести жизнь, посвященную молитве и труду, избегать всех мирских соблазнов и довольствоваться лишь самым необходимым. Однако большинство монахов живут в каменных зданиях, в окружении слуг, получают со своих земель щедрый доход и предаются всем возможным порокам.

– Но говорят, монахи картезианского ордена вели самую что ни на есть аскетичную и строгую жизнь. А когда их повезли в Тайборн, чтобы предать казни, они пели гимны и возносили хвалу Господу.

– Да, разумеется, некоторые ордена строго соблюдают установленные правила. Но не забывай, картезианцы были преданы казни потому, что отказались признать короля главой Церкви. Все они – закоренелые сторонники папизма. А теперь, похоже, кое-кто из монахов не брезгует и убийством, – изрек я и добавил со вздохом: – Мне жаль, что тебе придется заниматься подобным делом.

– Благородный человек не должен бояться опасности, – провозгласил Марк.

– Чушь, – отрезал я. – Осторожность никому не помешает. Кстати, ты по-прежнему посещаешь фехтовальные классы?

– Да. Господин Грин говорит, я добился значительных успехов во владении мечом.

– Рад это слышать. Вполне возможно, твое умение нам пригодится. На дорогах орудуют целые шайки нищих, и, возможно, нам придется дать им отпор.

Марк помолчал несколько мгновений, не сводя с меня задумчивых глаз.

– Сэр, я очень хочу снова получить место в Палате перераспределения, но, честно говоря, там проворачиваются не слишком честные дела, – произнес он наконец. – Половина конфискованных земель отошла к Ричарду Ричу и его прихвостням.

– Ты преувеличиваешь, – покачал я головой. – Палата перераспределения – новое учреждение. И естественно, те, кто занимает там высокие посты, пользуются возможностью

отблагодарить тех, кто им эти посты обеспечил. Таковы уж правила, на которых зиждется власть. Я вижу, Марк, ты по-прежнему мечтаешь об идеальном мире. Однако тебе следует быть осторожнее и не говорить все, что приходит на ум. Наверняка ты недавно перечитал «Утопию» Томаса Мора? Не далее как сегодня лорд Кромвель вспоминал об этой книге.

– «Утопия» оставляет человеку надежду на лучшее. А этот итальянец, которого вы мне посоветовали прочесть, погружает в пучину отчаяния.

– Ну, если ты хочешь взять за образец героев «Утопии», тебе следует отказаться от щегольских нарядов и обернуться в дерюгу, – с улыбкой заметил я и указал на его агатовые пуговицы. – Кстати, я никак не могу разглядеть, что изображено на этих пуговицах?

Марк с готовностью скинул куртку и протянул ее мне. Рассмотрев пуговицы поближе, я увидел, что на каждой изображен воин, одной рукой сжимающий меч, а другой обнимающий женщину. За их спинами возвышался олень. Работа, надо признать, была весьма искусная.

– Я купил их на рынке Святого Мартина, совсем дешево, – пробормотал Марк. – Это ведь поддельный агат.

– Теперь я и сам это вижу. Но что означает этот рисунок? Ах да, конечно, верность. Ведь олень – символ верности. – Я вернул Марку куртку. – Меня удивляет эта новая мода на загадочные изображения, над которыми приходится ломать

голову, – заметил я. – В жизни и так более чем достаточно загадок и тайн.

– Но, сэр, вы ведь и сами рисуете.

– Да, когда мне удастся выбрать для этого время. Но в меру своих скромных способностей я пытаюсь изображать людей и природу просто, без всяких затей – так, как это делал мастер Гольбейн. По моему разумению, искусство должно разрешать загадки бытия, а не запутывать их еще больше.

– Но неужели даже в юности вам не хотелось украсить себя чем-нибудь вроде... этих пуговиц?

– Мода тогда была совсем другая. И признаюсь, несколько раз я уступал ее искушениям. – Тут на ум мне пришла цитата из Библии, и я произнес с легкой печалью в голосе: – «Когда я был ребенком, я рассуждал по-детски. Став взрослым мужем, я оставил детские рассуждения». Ладно, мне надо идти к себе, – прибавил я после недолгого молчания. – В кабинете меня ждут бумаги.

Несколько неуклюже я поднялся со своего стула, и Марк поспешил ко мне, чтобы помочь.

– Я прекрасно справлюсь сам, – раздраженно остановил я его.

Резкая боль, пронзившая спину, заставила меня поморщиться.

– Разбуди меня на рассвете, – распорядился я. – И скажи Джоан, чтобы приготовила сытный завтрак.

Взяв свечу, я поднялся по лестнице. Меня ожидали загад-

ки куда более сложные, чем головоломные изображения на пуговицах.

Глава 3

На следующее утро мы с Марком, как и собирались, покинули дом на рассвете. Было второе ноября, День всех усопших. Проведя весь вечер за чтением бумаг, я так утомился, что крепко спал всю ночь и утром проснулся в неплохом настроении. Как ни странно, я ощущал, что душу мою охватило волнение. Некогда я был учеником монахов; впоследствии стал убежденным противником всего того, что они защищали. Ныне мне предстояло проникнуть в их тайны и вывести на свет их злодеяния.

За завтраком я торопил Марка, который все никак не мог окончательно проснуться. Наконец мы вышли на улицу. За ночь погода резко изменилась; холодный, пронзительный ветер, прилетевший с востока, подморозил грязные колеи на дороге. Закутавшись в подбитые мехом дорожные плащи, подняв капюшоны и натянув теплые перчатки, мы уселись на лошадей; порывы ветра, бившего нам прямо в лицо, заставляли слезиться глаза. На поясе у меня висел кинжал; до сей поры он выполнял исключительно роль украшения, однако сегодня утром я не преминул собственноручно наточить его на кухне. Марк, разумеется, был опоясан мечом; этот превосходный клинок из лондонской стали он приобрел на свои собственные сбережения, дабы посещать фехтовальные классы.

Переплетя руки в виде ступеньки, он помог мне взобраться на Канцлера, так как сесть в седло без посторонней помощи мне было затруднительно. Затем Марк вскочил на Красноногого, своего могучего чалого жеребца, и мы тронулись. К седлам лошадей были привязаны тяжелые дорожные сумки, где находились наши вещи и деловые бумаги. Марк все еще зевал, не в состоянии полностью стряхнуть с себя сон. Сбросив капюшон, он принялся причесывать свои всклокоченные волосы; впрочем, все его усилия были напрасны, потому что ветер тут же спутывал их вновь.

– Господи, до чего холодно, – жалобно протянул Марк.

– Ты слишком много времени провел в теплых конторах и превратился в настоящего неженку, – усмехнулся я. – Путешествие пойдет тебе на пользу. Надо, чтобы твоя жидкая кровь немного загустела.

– Того и гляди, скоро пойдет снег, да, сэр?

– Надеюсь, что нет. Это бы существенно нас задержало.

Проехав по улицам едва пробуждавшегося города, мы оказались на Лондонском мосту. Бросив взгляд вниз по течению реки, за устрашающую громаду Тауэра, я увидел огромный океанский корабль, стоявший на якоре у Собачьего острова; его тяжелый корпус и высокие мачты смутно вырисовывались на фоне свинцово-серой реки, сливавшейся с небом в точности такого же оттенка. Я указал на корабль Марку.

– Любопытно бы знать, откуда он прибыл, – заметил я.

– Да, сегодня люди совершают дальние плавания и открывают страны, о существовании которых их предки даже не догадывались, – откликнулся Марк.

– Из этих стран они привозят всякие диковины, – добавил я, вспомнив удивительную говорящую птицу. – И некоторые из этих диковин помогают им дурачить простаков.

Мы доехали примерно до середины моста. В дальнем его конце валялись осколки черепа. Дочиста обглоданный птицами, он упал со своего шеста и разлетелся на куски. Этим осколкам предстояло лежать здесь до тех пор, пока их не подберут охотники за сувенирами или же ведьмы, которые используют человеческие кости для своих ритуалов. Вчера в кабинете сэра Кромвеля я видел поддельные останки святой Варвары, сегодня взору моему предстали печальные последствия земного правосудия. Тревожная мысль о недобром предзнаменовании пришла мне на ум, но я тут же отогнал ее прочь как не стоящий внимания предрассудок.

Дорога, ведущая от Лондона к югу, довольно хороша; вдоль нее тянутся питающие столицу поля, в эту пору уже пустые. Небо, поутру свинцовое, приобрело тусклый молочно-белый оттенок, однако снег все не шел. В полдень мы остановились поблизости от Элтема, чтобы пообедать. Вновь пустившись в путь, мы вскоре достигли Северных холмов; перед нами расстилались древние леса Южной Англии, голые верхушки деревьев, меж которыми кое-где зеленели сос-

ны и ели, тянулись до самого горизонта.

Дорога сузилась; теперь она петляла среди крутых склонов, поросших лесом, и прелые листья покрывали ее почти целиком. Тут и там в сторону от дороги отходили тропинки, ведущие в отдаленные деревни. Лишь один раз нам встретился ломовой извозчик. На исходе дня мы достигли небольшого городка Тонбриджа и повернули к югу. Мы постоянно были настороже, опасаясь разбойников; однако единственной бандой, которую нам довелось встретить, было стадо оленей, кормившихся вдоль дороги. Завидев нас, пугливые животные немедленно бросились вверх по склону и скрылись в зарослях.

Сумерки уже сгущались, когда за деревьями мы услышали мерный звон церковного колокола. Дорога вновь совершила крутой поворот, и мы оказались на единственной улице маленькой деревушки. Невзрачные домики этого бедного селения были крыты соломой, однако там имелась превосходная церковь, выстроенная в норманнском стиле, и постоянный двор. Все окна церкви были ярко освещены; в сиянии свечей витражные стекла переливались всевозможными оттенками. Могучие удары колокола продолжали сотрясать воздух.

– Сегодня же День всех усопших, – вспомнил Марк. – В церкви скоро начнется праздничная месса.

– Да, и все жители деревни будут молиться, чтобы душам их почивших близких, томящихся в чистилище, было даровано облегчение.

Мы неспешно ехали вдоль по улице, провожаемые подзрительными взглядами маленьких белоголовых ребятишек, наблюдавших за нами из дверей. Взрослые почти не встречались. Из церкви доносились торжественные звуки мессы.

В ту пору День всех усопших был одним из величайших церковных праздников. Во всех церквях яблоку было негде упасть – люди молились за своих родных и друзей, уповая выволить их души из чистилища. Однако королевская власть уже тогда относилась к этому празднику неодобрительно; вскоре он был запрещен. Ходили разговоры о том, что лишать людей подобного утешения до крайности жестоко. Но, несомненно, куда спокойнее сознавать, что ближний твой, согласно Господней воле, находится в раю или в аду, чем верить в чистилище, место, где усопшие на протяжении веков подвергаются невыносимым мукам и страданиям.

Мы спешили у постоялого двора и привязали лошадей к ограде. С трудом ступая на затекших ногах, мы направились к дому, который был всего лишь увеличенной копией всех прочих деревенских домов. Крышу его покрывала солома, и штукатурка во многих местах отвалилась от грязных стен.

Внутри дома огонь был разложен по старинке, на решетке посреди комнаты. Клубы дыма, не попадавшего в круглую трубу над очагом, наполняли помещение. Несмотря на полумрак, мы сумели разглядеть нескольких бородатых стариков, игравших в кости; все они с любопытством уставились на нас. К нам торопливо приблизился какой-то толстяк

в фартуке, по всей вероятности хозяин; окинув нас изучающим взглядом, он, несомненно, оценил по достоинству наши дорогие плащи, подбитые мехом. Я сообщил ему, что нам требуется ужин и ночлег. Толстяк ответил, что с радостью предоставит нам и то и другое за шесть пенсов. Говорил он с сильным гортанным акцентом, так что я с трудом понимал его речь. Тем не менее я не преминул поторговаться и снизил плату до четырех пенсов. Удостоверившись у хозяина, что мы не сбились с пути и действительно двигаемся в сторону Скарнси, я заказал эль и устроился у огня. Марк тем временем отправился в конюшню, дабы позаботиться о лошадях.

Вскоре мой юный товарищ присоединился ко мне, чему я был очень рад, так как беззастенчивые взгляды деревенских стариков успели порядком мне надоеть. Я кивнул им, но они не сочли нужным ответить на приветствие и продолжали поедать меня глазами.

– Ну и любопытный же здесь народ, – вполголоса прошептал Марк.

– Просто в эту глушь не часто заезжают путешественники, – пояснил я. – И можешь не сомневаться, местные жители верят, что встреча с горбуном приносит несчастье. Впрочем, в этом убеждены и многие жители больших городов. Мне не раз случалось заметить, как люди, завидев меня, осеняют себя крестом. И это несмотря на то, что одет я всегда более чем прилично.

На ужин нам подали жирную тушеную баранину и креп-

кий эль. Отведав этого кушанья, Марк недовольно пробормотал, что баран наверняка прожил долгую трудную жизнь. Пока мы ужинали, в харчевню вошла компания деревенских жителей, все в нарядной одежде. Праздничная церковная служба, как видно, закончилась. Приглушенно переговариваясь, селяне устроились за одним из столов. Время от времени все они поглядывали на нас, и, разумеется, выражение их лиц было отнюдь не дружелюбным.

Я заметил, что в дальнем конце харчевни сидят трое мужчин, которые, судя по всему, тоже не пользовались расположением сельчан. По крайней мере, никто не обменялся с ними ни единым словом. Вид у всех троих был не слишком привлекательный: грязная, рваная одежда, всклокоченные бороды. Я поймал на себе их изучающие взгляды, однако они рассматривали нас украдкой, вовсе не так откровенно, как все прочие посетители харчевни.

– Видите вон того высокого малого, сэр? – шепотом спросил меня Марк. – Бьюсь об заклад, что его лохмотья – остатки монашеской сутаны.

Тот, о ком говорил Марк, огромного роста верзила с переломанным носом, был облачен в потрепанное одеяние из тонкой черной шерсти, и на спине у него я и в самом деле различил бенедиктинский капюшон. Хозяин, единственный, кто был с нами приветлив, подошел к столу, чтобы наполнить наши стаканы.

– Скажите, приятель, – вполголоса осведомился я, – кто

эти трое?

– Служки из монастыря, что был уничтожен в прошлом году, – неодобрительно проворчал хозяин. – Вы сами знаете, сэр, что сейчас происходит. Король решил разделаться с монастырями. Монахам дают приходы, а монастырским служкам остается одно – идти на большую дорогу. Эта троица слоняется здесь уже около года. Никакой работы для них нет, и милостыни им не подают. Видите вон того тощего парня с отрезанными ушами? Остерегайтесь его.

Посмотрев в дальний угол харчевни, я увидел того, о ком говорил хозяин, – высокого худого человека со спутанными белокурыми волосами. У него и правда не было ушей – лишь дыры, окруженные безобразными шрамами. Я знал, что отсечением ушей наказывают за подлог. Без сомнения, бедолага с отчаяния решил попробовать себя в изготовлении фальшивых денег.

– Однако вы разрешаете им находиться в вашей харчевне, – заметил я.

– В том, что их выбросили на улицу, нет их вины, – пожал плечами хозяин. – Такова сейчас участь сотен.

Тут хозяин осекся, словно решив, что сказал слишком много, и торопливо отошел от нашего стола.

– Думаю, нам с тобой самое время отдохнуть, – сказал я и взял со стола свечу.

Марк кивнул в знак согласия. Мы допили эль и двинулись к лестнице. Когда мы проходили мимо монастырских слу-

жек, я нечаянно задел полой плаща край одежды верзилы.

– Ох, Эдвин, теперь не видать тебе счастья, – во всеуслышание заявил один из его товарищей. – Для того чтобы вернуть удачу, тебе придется отыскать карлика и потрогать его.

Вся троица покатила со смеху. Я заметил, что Марк повернулся в их сторону, и предостерегающе опустил руку ему на плечо.

– Не обращай внимания, – прошептал я. – Пусть смеются. Идем.

Едва ли не силой я подтащил своего юного товарища к шаткой деревянной лестнице. Поднявшись, мы оказались в тесной комнатухе под самой крышей; наши дорожные сумки уже лежали на низеньких деревянных кроватях. Крысы, которых здесь, по всей вероятности, было великое множество, при нашем появлении бросились врассыпную; до нас донесся лишь дробный топот множества когтистых лап. Мы уселись на кровати и сняли сапоги.

Марк был вне себя от злости:

– Удивляюсь я вам, сэръ! Почему мы должны терпеть оскорбления от всякого сброда?

– Не забывай, мы с тобой окружены неприятелями, и лишние стычки нам вовсе ни к чему. Жители этих районов Южной Англии в большинстве своем сторонники папизма. Очень может быть, что священник местной церкви каждое воскресенье учит свою паству молиться о смерти короля и о возвращении власти Папы.

– А я думал, вы никогда прежде не были в этих краях, – заметил Марк.

Он вытянул ноги так, что они уперлись в широкую дымовую трубу, которая торчала в центре комнаты и уходила в специальное отверстие, проделанное в крыше. Труба эта была единственным источником тепла в нашем скромном пристанище.

– Ох, как бы нам к утру не превратиться в сосульки, – проворчал я. – Нет, Марк, я никогда здесь не был. Но осведомители лорда Кромвеля исправно присылают ему сведения о состоянии умов во всех графствах. У меня в сумке копии их докладов.

– А вам не кажется, сэръ, что это чересчур утомительно? – по-прежнему недовольным тоном спросил Марк. – Всегда быть настороже, повсюду выискивать признаки государственной измены. По-моему, раньше ничего подобного не было.

– Наша страна переживает сейчас нелегкие времена, – возразил я. – Вскоре все переменится к лучшему.

– И когда это произойдет? Когда все монастыри будут уничтожены?

– Да. Тогда дело реформы будет в безопасности. А у лорда Кромвеля появится достаточно денег, чтобы защитить королевство от любого внешнего вторжения и облегчить участь народа. Можешь мне поверить, у него великие планы.

– Боюсь, после того как все служащие Палаты перераспре-

деления получают свою долю, денег не хватит даже для того, чтобы купить новую одежду тем бедолагам внизу.

– Напрасные опасения, Марк, – с пылом возразил я. – Крупные монастыри обладают невероятными богатствами. И несмотря на то что благотворительность является их первейшей обязанностью, они и не думают помогать бедным. Я собственными глазами видел, как во время голода в Личфилде толпы бедняков окружали монастырские ворота и изголодавшиеся дети вырывали друг у друга несколько жалких фартингов, просунутых сквозь прутья решетки. В те дни мне стыдно было ходить в монастырскую школу. Да и школа, честно говоря, никуда не годилась. А теперь в каждом приходе появятся хорошие школы и средства на их содержание будут выдаваться из королевской казны.

На это Марк ничего не ответил, лишь недоверчиво вскинул бровь.

– Послушай, Марк, убрал бы ты с этой трубы свои ноги! – пробурчал я, неожиданно раздосадованный его скептическим отношением к моим словам. – Богом клянусь, они воняют хуже мокрого барана!

Марк послушно убрал ноги и растянулся на кровати, уставившись в низкий потолок.

– Уверен, сэръ, все, что вы говорите, правда, – задумчиво произнес он. – Но служба в Палате перераспределения заставила меня усомниться в людском милосердии и бескорыстии.

– И все же не сомневайся, Палата перераспределения – это доброе начинание. И со временем оно принесет добрые плоды. Спору нет, лорд Кромвель жесток и суров, но к этому его вынуждает необходимость. Прошу тебя, верь в это, – мягко добавил я.

Как только я произнес эти слова, мне вспомнилось выражение угрюмого удовольствия, мелькнувшее на лице лорда Кромвеля в тот момент, когда он говорил о сожжении священников на костре из церковных книг и статуй.

– Верить – это все, что нам остается. Как известно, вера сдвигает горы, не так ли, сэръ? – усмехнулся Марк.

– Господи, теперь все встало с ног на голову, – пробормотал я. – Раньше юнцы были идеалистами, а старики циниками, а сейчас все наоборот. Ладно, я слишком устал, чтобы спорить.

Я начал раздеваться, медленно и нерешительно расстегивая пуговицы. Марк, с присущей ему деликатностью, догадался, что мне вовсе не хочется, чтобы чей-то взор видел мой изъян, и отвернулся к стене. Мы молча разделись и натянули ночные рубашки. Я улегся на свою провисшую кровать и задул свечу.

Прочтя обычные молитвы, я закрыл глаза. Усталость моя была так велика, что мне казалось, я мгновенно усну. Но еще долго я лежал без сна, прислушиваясь к ровному дыханию Марка и к шороху крыс, которые, осмелев, крались в середину комнаты, к теплой трубе.

По своему обыкновению, я старался не принимать близко к сердцу мелкие неприятности, однако испуганные взгляды, которые селяне бросали на мой горб, и насмешки аббатских служек чувствительно задели меня. От воодушевления, с которым я двинулся в путь, не осталось и следа. Всю свою жизнь я учился пропускать подобные оскорбления мимо ушей, хотя в юности они нередко доводили меня до иступления. Мне случалось встречать немало калек, души которых были изуродованы еще сильнее, чем тела, вследствие издевательств, сыпавшихся на них градом. Эти несчастные враждебно смотрели на мир из-под насупленных бровей и осыпали проклятиями детей, которые преследовали их на улицах. Я понимал, что куда благоразумнее стать неуязвимым для насмешек, смириться с волею Господа, сотворившего меня горбуном, и пытаться вести такую же жизнь, какую ведут все остальные люди.

Увы, на память мне упорно приходили случаи, когда это было невозможно. Один из таких случаев определил всю мою дальнейшую жизнь. Мне было тогда пятнадцать, и я учился в монастырской школе в Личфилде. Как и всем ученикам старших классов, мне вменялось в обязанность присутствовать при воскресной мессе, а порой принимать в ней участие в качестве церковного служки. Это было для меня настоящим праздником, в особенности после унылой недели, проведенной в бесплодных сражениях с латинскими и

греческими текстами – древние языки нам пытался преподавать отец Эндрю, тучный невежественный монах, большой любитель выпить.

А в воскресенье я, исполненный радости, вступал под своды ярко освещенного храма, где перед алтарем горели свечи, а от распятия и статуй святых, казалось, исходило сияние. Разумеется, я предпочитал те дни, когда мне не приходилось помогать священнику и я мог сидеть на скамье вместе со всеми остальными прихожанами. За алтарем священник произносил слова латинской мессы, которые я понемногу начинал понимать, а прихожане хором вторили ему.

Теперь, когда традиционную мессу давно уже не служат, трудно представить то чувство причастности великой тайне, которое она пробуждала в душах: запах ладана, благозвучные латинские стихи, возносящиеся под своды храма, торжественный звон колокола в тот момент, когда происходит чудо, в которое верят все собравшиеся, – вино и хлеб превращаются в плоть и кровь Христову.

В последний год пребывания в школе душа моя преисполнилась религиозного пыла. Любуясь просветленными лицами прихожан, я думал о Церкви как о великом сообществе, объединяющем живых и усопших, превращающем людей, пусть на несколько часов, в стадо Великого Пастыря. Я ощущал в себе призвание служить этому стаду; не сомневался, что, став священником, сумею повести за собой людей и заслужить их уважение.

Однако мне не суждено было долго предаваться иллюзиям. Настал день, когда я решил открыть свои мечты брату Эндрю и попросил его уединиться для важной беседы со мной в небольшом кабинете рядом с классной комнатой. Брат Эндрю сидел за столом, изучая какой-то пергамент; день клонился к вечеру, глаза монаха покраснели, а черную сутану покрывали пятна, оставленные едой и чернилами. Дрожащим от волнения голосом я сообщил ему, что ощущаю призвание к поприщу священнослужителя и надеюсь стать послушником, который впоследствии будет посвящен в духовный сан.

Я ожидал, что мой наставник задаст мне множество вопросов, проверяя крепость моей веры, но он лишь предостерегающе вскинул свою пухлую красную руку.

«Юноша, тебе никогда не бывать священником, – отрезал брат Эндрю. – Неужели ты сам этого не понимаешь? Нечего было занимать мое время таким пустым разговором», – добавил он, досадливо сдвигая лохматые брови.

Брат Эндрю редко давал себе труд побриться, и седая щетина покрывала его толстые багровые щеки, подобно инею.

«Я не понимаю вас, брат. Почему я не могу стать священником?»

Он вздохнул, обдав меня запахом перегара.

«Мэтью Шардлейк, вне всякого сомнения, ты читал Книгу Бытие, и, следовательно, тебе известно, что Господь создал нас по собственному образу и подобию?» – спросил он.

«Разумеется, мне это известно».

«Ты должен понимать также, что служитель Церкви в первую очередь является воплощением Господнего образа и подобия. Всякий, кто имеет хотя бы малейший телесный недостаток, пусть даже легкую хромоту, не может быть удостоен духовного сана. Что же говорить о тех, кто, подобно тебе, носит на спине здоровенный горб? Как можешь ты служить посредником между простыми людьми, погрязшими во грехе, и величием Господа, если Господь наделил тебя столь отталкивающим обличем?»

Мне казалось, что я провалился в ледяную прорубь.

«Но это несправедливо, брат, – едва слышно пробормотал я. – Это слишком жестоко».

От злости лицо брата Эндрю побагровело еще сильнее.

«Юноша, ты что, подвергаешь сомнению учение Святой Церкви? – рявкнул он. – Как ты осмелился явиться ко мне и заявить о своем желании принять духовный сан? Ты отдаешь себе отчет в собственной дерзости, презренный еретик?»

Я окинул взором круглую приземистую фигуру монаха, его покрытую жирными пятнами сутану и злобное небритое лицо.

«Значит, я должен выглядеть так же, как вы?» – выпалил я прежде, чем успел подумать о последствиях своих слов.

Издав грозный рев, монах вскочил со стула и вlepил мне сокрушительную затрещину.

«Ты, маленький горбатый уродец! – завопил он. – Уби-

райся с глаз моих долой!»

Голова моя кружилась, однако я не стал ждать новых затрещин и пустился наутек. Брат Эндрю был слишком тучен, чтобы меня преследовать (год спустя он умер от удара). Я выбежал из собора и поплелся домой, униженный и несчастный. У калитки нашего сада я остановился, наблюдая за тем, как солнце опускалось за верхушки деревьев. Красота весеннего заката казалась мне жестокой насмешкой над моим уродством. Теперь, когда Церковь оттолкнула меня, я чувствовал беспредельное, безнадежное одиночество.

Но вдруг, стоя в сгущавшихся сумерках, я услышал, что Христос говорит со мной. Да, это было именно так, ибо я не могу найти случившемуся никаких иных объяснений. В сознании моем отчетливо зазвучал дивный голос, которого я никогда прежде не слышал.

«Ты не один», – произнес этот голос с непередаваемой теплотой и сердечностью, и я ощутил, как любовь и покой окутали все мое существо.

Не знаю, долго ли я стоял у калитки, глубоко вдыхая свежий весенний воздух, но эти мгновения изменили всю мою жизнь. Христос снизошел ко мне, дабы исцелить боль от оскорбления, причиненного жестокими словами, которые Церковь приписывала Ему. В ту ночь, предаваясь жарким молитвам, я надеялся, что мне будет дарована радость услышать этот голос вновь, но этого больше никогда не случилось. Наверное, Христос говорит с нами лишь один раз в

жизни. Возможно, многим не дано и этого.

На следующее утро мы с Марком поднялись с первыми проблесками рассвета, раньше, чем деревня начала оживать. Я по-прежнему пребывал в угрюмом расположении духа, и потому говорили мы мало. Ночью мороз усилился, и теперь трава и деревья были подернуты инеем, но, на наше счастье, снег так и не выпал. Мы выехали из деревни и вновь двинулись по узкой дороге, петлявшей меж лесистых склонов.

Мы провели в пути все утро и начало дня; наконец лес начал редеть, и мы оказались посреди сжатых полей, за которыми виднелись очертания Южных холмов. Дорога привела нас к подножию холма, где паслись поросшие густой шерстью овцы. Поднявшись на холм, мы увидели раскинувшееся внизу море, медленно катившее свои серые волны. Справа от нас меж невысокими холмами протекала узкая река, которая впадала в море, миновав прибрежную заболоченную полосу. У самого края болота виднелся небольшой городок, а примерно в миле от него – несколько окруженных высокой стеной зданий, возведенных из древнего желтого камня. Над ними возвышалась величественная церковь в норманнском стиле, размерами не уступавшая многим соборам.

– Вот он, монастырь Скарнси, – изрек я.

– Господь вывел нас из всех испытаний целыми и невредимыми, – откликнулся Марк.

– Я полагаю, настоящие испытания ожидают нас впере-

ди, – возразил я.

Когда мы направили усталых лошадей вниз, ветер принес с моря мохнатые тучи и в воздухе закружились первые снежинки.

Глава 4

Осторожно спустившись с холма, мы двинулись по дороге, ведущей в город. Лошади нервничали, хлопья снега щекотали им морды, заставляя их громко фыркать и мотать головой. К счастью, когда мы въехали на городские окраины, снегопад прекратился.

– Может, заедем к мировому судье? – предложил Марк.

– Нет, – покачал я головой. – Нам надо поскорее добраться до монастыря. Если снег пойдет вновь, сегодня мы так и не попадем туда.

Копыта наших лошадей процокали по мощенной булыжником главной улице Скарнси. Верхние этажи старинных домов нависали над тротуаром; местные жители имели привычку выливать содержимое ночных горшков прямо из окон, так что нам приходилось остерегаться. Мы заметили, что штукатурка, покрывавшая дома, во многих местах облупилась, а немногочисленные лавки имеют довольно жалкий вид. Редкие прохожие бросали на нас безразличные взгляды.

Наконец мы оказались на городской площади. С трех сторон ее окружали невзрачные обветшалые здания, зато четвертая представляла собой широкий каменный причал. Вне всяких сомнений, в былые времена причал этот выходил прямо в море, но сейчас за ним расстилалось поросшее тростником болото, распространявшее сильный запах соли и

гниения. Под серым зимним небом болото казалось особенно унылым и навевало грустные размышления. Через болото к морю, стальная полоса которого блестела где-то в миле отсюда, вел канал, такой узкий, что по нему могла проплыть лишь небольшая лодка. Вдали, на болоте, мы различили вереницу осликов, связанных друг с другом веревками; на спинах животных были навьючены корзины. Какие-то люди доставали из этих корзин камни и выкладывали ими берег канала.

По всей видимости, недавно здесь состоялось некое действо, ибо несколько женщин, стоявших у высокого столба в дальнем конце площади, что-то оживленно обсуждали. На высокой табуретке восседала дородная женщина средних лет, ноги которой были прикованы к позорному столбу. Землю вокруг нее покрывали гнилые овощи и фрукты, да и сама она являла собой более чем жалкое зрелище – одежда ее была густо заляпана тухлыми яйцами и прочей дрянью. На голове у нее красовался треугольный колпак, на котором была выведена краской буква «С» – по всей вероятности, первая буква слова «сварливая». Хотя распухшее лицо несчастной покрывали синяки и один глаз наполовину заплыл, вид у нее был довольно жизнерадостный. Одна из женщин протянула ей кружку эля, и та с наслаждением сделала глоток. Заметив нас, она приветственным жестом вскинула кружку и растянула губы в ухмылке. Тут на площадь выбежала толпа радостно хохочущих детей, вооруженных кочанами гнилой

капусты, однако одна из женщин замахала руками, отгоняя их прочь.

– Убирайтесь отсюда! – закричала она. Ее гортанная речь напоминала говор жителей деревни, где мы провели минувшую ночь. – Жена Томаса уже получила свой урок, и он пошел ей на пользу. Теперь она больше не будет донимать своего мужа бранью. Отныне они станут жить в мире и согласии. Через час ее отпустят. Хватит с нее.

Дети отступили на безопасное расстояние, осыпая жену Томаса насмешками и оскорблениями.

– Я смотрю, здесь, вдали от столицы, царят весьма мягкие нравы, – изрек Марк.

Я кивнул в знак согласия. В самом деле, несчастным, прикованным к лондонским позорным столбам, зачастую достаются не тухлые яйца и гнилая капуста, а град камней, выбивающих глаза и зубы.

Мы выехали из города и направили лошадей по дороге, ведущей к монастырю. По обеим сторонам дороги тянулись унылые болота – заросли тростника и лужи гниющей воды. Меня до крайности удивляло, что через эту зловонную трясины проложены тропы и дороги; однако это было именно так, иначе встречавшиеся нам люди непременно сбились бы с пути.

– Некогда Скарнси был процветающим морским портом, – сообщил я. – Но где-то столетие назад берег моря стал заболачиваться, и ты видишь сам, к чему это привело.

Неудивительно, что ныне город пришел в запустение. По этому каналу едва может пройти рыбацья лодка.

– Но как горожане зарабатывают себе на жизнь?

– Рыбной ловлей и фермерством. Полагаю также, что они занимаются контрабандой. Провозят кое-какие товары во Францию. Им все еще приходится выплачивать пошлины монастырю, чтобы монахи, это сборище бездельников, ни в чем не нуждались. Дело в том, что порт Скарнси был дарован в качестве награды одному из рыцарей Вильгельма Завоевателя. А тот пожертвовал земли ордену Святого Бенедикта и построил этот монастырь. Разумеется, взяв деньги из английской казны.

Внезапно тишину нарушил перезвон колоколов, донесшийся со стороны монастыря.

– Похоже, монахи заметили нас и бьют в колокола в честь нашего прибытия, – со смехом предположил Марк.

– Что ж, если это так, у святых братьев зоркие глаза. А может, это одно из их чудес. Клянусь кровью Спасителя нашего, эти колокола трезвонят ужасно громко.

Когда мы приблизились к стенам монастыря, колокола все еще оглушительно гудели. Мне казалось, перезвон эхом отдается у меня под черепом. Я страшно устал, как и всегда к концу дня, проведенного в седле; спина моя разболелась немилосердно, и я ехал, неуклюже распластавшись на широкой спине Канцлера. Однако, приблизившись к воротам монастыря, я поднял голову и по возможности принял гор-

дый вид – с самого начала следовало произвести на монахов должное впечатление. Лишь сейчас я оценил, в каком большом монастыре мы оказались. Высота стен, покрытых штукатуркой и выложенных мелкой галькой, составляла не менее двенадцати футов. Территория, огороженная этими стенами, тянулась от дороги до самого края болот. Немного впереди в стене виднелись огромные железные ворота; мы заметили телегу, груженную бочками и запряженную двумя здоровенными лошадьми. Издавая пронзительное гроыхание, телега двигалась в сторону города, то есть навстречу нам. Поравнявшись с нами, возница приподнял шляпу в знак приветствия.

– Пиво, – заметил я.

– Пустые бочки? – изумился Марк. – Это монахи столько выпили?

– Нет, почему же, полные. Монастырю принадлежит монополия на снабжение города пивом. Так что монахи могут устанавливать какую угодно цену. Это записано в монастырском уставе.

– Значит, если кто из местных жителей напьется вдрызг, то только благодаря священному пиву?

– Именно так. Кстати, монастыри довольно часто занимаются пивоварением – дело это, как ты понимаешь, прибыльное. Основатели-норманны создали монахам все условия для безбедного существования, лишь бы те исправно возносили молитвы о спасении их душ. В результате все

остались довольны, за исключением тех, кому пришлось за это платить. Слава Богу, этот трезвон наконец прекратился. – Я издал вздох облегчения. – Ну, поехали. Следуй за мной и держи язык за зубами.

Мы подъехали к массивным железным воротам, украшенным резьбой в виде геральдических животных. Разумеется, ворота были на запоре. Взглянув наверх, я заметил, что в окне домика привратника мелькнуло чье-то лицо и тут же исчезло за занавеской. Я спешил и постучал в небольшую калитку, расположенную рядом с воротами. Через несколько минут она распахнулась, и перед нами предстал высокий, лысый, как колесо, человек в грязном кожаном фартуке. Он смерил нас неприветливым взглядом и проскрежетал:

– Что надо?

– Я – посланник короля, – изрек я ледяным тоном. – Будьте любезны проводить нас к аббату.

В глазах привратника зажглись подозрительные огоньки.

– Мы никого не ждем, – пробурчал он. – Это закрытый монастырь. У вас есть бумаги?

Я сунул руку в карман камзола и протянул ему бумаги.

– Насколько мне известно, данный монастырь, носящий имя святого Доната, принадлежит бенедиктинскому ордену. А бенедиктинский орден отнюдь не является закрытым. Люди могут свободно входить в стены обителей этого ордена. Или, может быть, мы сбились с пути и попали в другой монастырь? – спросил я, придав своему голосу изрядную долю

сарказма.

Невежа-привратник мрачно взглянул на меня исподлобья, затем скользнул глазами по бумагам – было ясно, что он не умеет читать, – и вернул их мне.

– Вы обогатили их содержание парой жирных пятен, старина, – усмехнулся я. – Кстати, как вас зовут?

– Багги, – буркнул он. – Я провожу вас к отцу аббату, господу.

Он отошел в сторону, и мы въехали в калитку, оказавшись среди мощных колонн, поддерживающих домик привратника.

– Пожалуйста, подождите.

Я кивнул, и привратник заковылял прочь.

В ожидании я прогуливался меж колонн, рассматривая внутренний двор монастыря. Прямо передо мной возвышалась величественная церковь, построенная, как и все прочие монастырские сооружения, из белого французского известняка, ныне пожелтевшего от времени. Церковь была выдержана в норманнском стиле, окна у нее были широкие, и она совершенно не походила на современные храмы с их узкими стрельчатыми окнами и высокими арками, уходящими в небеса. Благодаря тому что длина здания составляла не менее трех сотен футов, а высота обеих башен – всего около ста, церковь казалась грандиозным, но приземистым сооружением, пустившим в земле корни.

Слева, у дальней стены, я разглядел обычные служебные

помещения – конюшни, мастерскую каменотеса, пивоварню. Во дворе кипела бурная деятельность, знакомая мне по Личфилду: торговцы и ремесленники сновали туда-сюда, обсуждая дела с монахами, которых легко можно было отличить по бритым головам и черным сутанам ордена бенедиктинцев, я заметил, что сутаны эти сшиты из превосходной тонкой шерсти и из-под них видны добротные кожаные башмаки. Земля во внутреннем дворе была утоптана множеством ног и усыпана соломой. По двору носилось несколько крупных шотландских овчарок – они сотрясали воздух лаем и беззастенчиво справляли свои естественные надобности. Иными словами, во дворе монастыря царила оживленная деловая атмосфера, отнюдь не соответствующая предназначению удаленной от мира святой обители.

Справа от церкви, за внутренней стеной, располагались помещения, где жили и молились монахи. У дальней стены стоял одноэтажный дом, окруженный небольшим ухоженным садом – большинство растений там было снабжено специальными ярлычками, тонкие и слабые деревца подпирали колышки.

– Ну, Марк, – тихонько спросил я, – как тебе нравится в монастыре?

Вместо ответа Марк замахнулся на одну из огромных собак, которая приближалась к нам, угрожающе оскалив зубы. Пес немного подался назад и зашелся злобным лаем.

– Я и думать не думал, что в монастыре столько зданий, –

заметил Марк. – По-моему, во время вражеской осады тут могли бы отсидеться не менее двух сотен человек.

– Ты неплохо считаешь, Марк. Этот монастырь был построен с расчетом на то, что здесь разместится сотня монахов и сотня служек. А ныне, по данным «Комперты», всем этим – домами, земельными угодьями, местными монополиями – пользуются всего тридцать монахов и шестьдесят служек. Как ты понимаешь, все они катаются как сыр в масле.

– Они нас заметили, сэр, – прервал меня Марк.

И действительно, надсадный лай пса привлек к нам внимание – теперь взоры всех собравшихся во дворе были устремлены на нас, и взоры эти, надо сказать, отнюдь не лучились приветливостью. Встретившись глазами с кем-нибудь из нас, люди торопливо отворачивались и принимались встревоженно перешептываться. Лишь один высокий монах, стоявший у церковной стены, смотрел на нас не отрываясь. Вид у него был изможденный, он опирался на костыль, а белое его одеяние с длинным наплечником контрастировало с черными сутанами бенедиктинцев.

– Если я не ошибаюсь, это монах картезианского ордена, – сказал я.

– Мне казалось, все картезианские монастыри уничтожены и больше половины монахов казнены за измену, – пробормотал Марк.

– Так оно и есть. Однако половина все-таки осталась в живых. Любопытно, что он здесь делает?

Тут за моей спиной раздался кашель. Обернувшись, я увидел, что привратник вернулся с коренастым монахом лет сорока. В каштановых волосах, обрамлявших его тонзуру, виднелась седина, а грубоватые, резкие черты кирпично-красного лица смягчали круглые, лоснящиеся от жира щеки, свидетельствующие о жизни в довольстве и сытости. На груди его сутаны был вышит ключ – отличительный знак занимаемой им должности. За ним стоял рыжеволосый худенький мальчик в серой рясе послушника. Судя по тревожно бегающим глазам, мальчик явно был чем-то испуган.

– Ты можешь возвратиться к своим обязанностям, Багги, – произнес незнакомец, и я мгновенно различил в его речи сильный шотландский акцент.

Привратник неохотно повиновался.

– Я здешний приор, брат Мортимус из Кесло.

– А где аббат?

– К сожалению, сейчас его нет в монастыре. В отсутствие отца аббата я замещаю его и несу ответственность за все, что происходит в монастыре Святого Доната, – изрек приор и бросил на нас пронзительный взгляд. – Насколько я понимаю, сэр, вы прибыли сюда, получив печальные известия от доктора Гудхэпса. Увы, нам не было сообщено заранее о вашем приезде, и потому мы не имели возможности приготовить вам комнаты.

От брата Мортимуса исходил столь крепкий запах прокисшего пота, что я вынужден был отступить на несколько

шагов назад. Годы, проведенные в обществе монахов, приучили меня к тому, что святые братья отнюдь не благоухают, ибо хранят верность убеждению, согласно которому телесная чистота – вредная и греховная прихоть и мыться следует не более шести раз за весь год.

– Лорд Кромвель направил нас сюда, как только получил письмо доктора Гудхэпса, – сообщил я. – Он снабдил меня самыми широкими полномочиями и поручил провести тщательное расследование изложенных в письме событий.

Приор почтительно склонил голову:

– Приветствую вас в монастыре Святого Доната. Прошу простить, если манеры нашего привратника показались вам несколько грубыми. Он всего лишь следовал предписаниям, согласно которым мы должны по возможности оберегать нашу обитель от вторжения посторонних.

– Дело, приведшее нас сюда, не терпит отлагательств, – сурово сказал я. – Во-первых, будьте любезны сообщить, действительно ли мертв королевский эмиссар Робин Синглтон?

Лицо приора приняло скорбное выражение.

– Увы, несчастный мертв, – произнес он, осенив себя крестным знаменем. – Убит неизвестным злоумышленником самым что ни на есть изуверским способом. Ужасное событие.

– Нам следует как можно быстрее увидеться с аббатом.

– Я отведу вас в его дом. Отец аббат должен вскоре вернуться. Все мы будем молиться о том, чтобы вам удалось

пролить свет на свершившееся здесь злодеяние. Кровопролитие на священной земле – что может быть ужаснее!

Приор сокрушенно покачал головой, а потом, повернувшись к послушнику, который смотрел на нас во все глаза, бросил совсем другим тоном, грубым и раздраженным:

– Уэлплей, ты что, к месту прирос? Отведи лошадей в конюшню!

Юноша, тоненький и хилый, казался совсем ребенком. На вид ему едва можно было дать шестнадцать лет, хотя, скорее всего, ему уже исполнилось восемнадцать, ибо послушниками становятся лишь те, кто достиг этого возраста. Я отстегнул от седла сумку, в которой находились бумаги, передал ее Марку, и послушник повел лошадей к конюшням. Сделав несколько шагов, он повернулся, чтобы еще раз взглянуть на нас, попал ногой в кучу собачьих испражнений, поскользнулся и упал навзничь. Лошади испуганно отпрянули в сторону, во дворе раздался дружный смех. Лицо приора Мортимуса побагровело от гнева. Он торопливо подошел к юноше, который едва успел подняться на ноги, и с силой толкнул его, так что тот снова упал прямо на собачье дерьмо. Раздался новый взрыв смеха.

– Клянусь кровью Спасителя нашего, Уэлплей, свет не видал второго такого болвана! – рявкнул приор. – Ты что, нарочно устроил тут представление перед посланником короля?

– Нет, господин приор, – дрожащим голосом ответил по-

слушник. – Прошу прощения.

Я подошел к ним, взял Канцлера за поводья и, стараясь не испачкаться о собачье дерьмо, приставшее к одежде юноши, помог бедолаге подняться.

– Все эти крики и хохот могут испугать лошадей, – мягко заметил я. – Не переживай, парень. Подобные неприятности могут случиться с каждым.

С этими словами я вручил послушнику поводья. Бросив робкий взгляд на приора, который побагровел еще сильнее, он повернулся и побрел к конюшням.

– А теперь, сэр, будьте любезны, проводите нас в дом аббата, – обратился я к приору.

Устремленный на меня взгляд шотландца полыхал злобой, а лицо из багрового стало пунцовым. Однако голос его звучал по-прежнему почтительно.

– С удовольствием, сэр, – ответил он. – Мне жаль, что вы стали свидетелями столь неприятного зрелища. Но, как я уже имел честь заметить, я отвечаю за порядок в этой обители. Королю угодно было внести немало изменений в наш обиход. И юных наших братьев следует с молодых ногтей приучать к покорности и смирению.

– Насколько я понимаю, братия вашего монастыря не слишком охотно следует новым правилам, установленным лордом Кромвелем? – осведомился я.

– Нет, сэр, что вы, – испугался приор. – Я имел в виду совсем другое. Я говорил лишь о необходимости строгой дис-

циплины и порядка.

– Не думаю, что поскользнуться на собачьем дерьме – такой уж серьезный проступок, – отрезал я. – Возможно, будет разумнее призвать к порядку собак и запретить им бегать по двору.

Приор уже готовился возразить, но передумал и издал короткий хриплый смешок.

– Вы правы, сэр, собакам не место в монастырском дворе. Но отец аббат ни за что не позволит держать их взаперти. Он полагает, что они должны все время бегать, чтобы не утратить резвость. Видите ли, собаки нужны ему для охоты.

Пока он говорил, лицо его изменило свой первоначальный кирпично-красный оттенок и стало темно-багровым. Про себя я решил, что приор, судя по всему, страдает разлитием желчи.

– Значит, ваш аббат заядлый охотник? – уточнил я. – Любопытно, как отнесся бы святой Бенедикт к тому, что один из его последователей предается столь кровавой и жестокой забаве.

– Аббат сам устанавливает для себя правила, – многозначительно изрек приор.

Он провел нас мимо нескольких служебных зданий. Впереди я увидел уютный двухэтажный домик, окруженный садом, в котором росли розовые кусты. То было удобное и красивое жилище состоятельного джентльмена, которое даже на Канцлер-лейн смотрелось бы вполне уместно. Когда мы про-

ходили мимо конюшен, я успел разглядеть, как злополучный Уэлплей устраивает лошадей в стойла. Словно почувствовав мой взгляд, юноша обернулся и встретился со мной глазами. Мы прошли мимо пивоварни и кузницы, где ярко горел огонь, столь притягательный в этот холодный день. Затем следовало довольно большое здание, сквозь открытые двери которого были видны каменные плиты, покрытые затейливыми узорами. Рядом с этим зданием на улице стоял широкий стол, на котором были разложены рисунки и планы. Какой-то седобородый человек в фартуке каменщика, скрестив руки на груди, прислушивался к жаркому спору двух монахов.

– Н-невозможно, брат, – непререкаемым тоном изрек старший из монахов.

Это был невысокий, упитанный человечек лет сорока, с круглым бледным лицом и маленькими темными глазками, жестко смотревшими исподлобья. Вокруг его тонзуры висели темные волосы.

– Если мы с-станем использовать к-канский камень, на это уйдет уйма денег, – заявил он, взмахнув над чертежами своей пухлой ладонью. – И в результате монастырь наш б-будет разорен.

– Спору нет, тут потребуются большие затраты, – сказал каменщик. – Конечно, если вы хотите сделать все надлежащим образом.

– Церковь необходимо отремонтировать надлежащим об-

разом, – убежденно произнес второй монах. Голос у него был глубокий и звучный. – В противном случае все пропорции здания будут нарушены. Если ты не согласен со мной, брат казначей, я буду вынужден переговорить с аббатом.

– Делай что хочешь, до добра это не доведет, – отрезал круглолицый монах и осекся, заметив незнакомцев.

Он проводил нас своими черными острыми глазками и вновь склонился над чертежами. Второй монах, лет тридцати, был высок и хорошо сложен. Лицо его, изборожденное ранними морщинами, отличалось красивыми и правильными чертами, а волосы, обрамлявшие тонзуру, были желты, как солома. Я успел разглядеть также, что у него большие светло-голубые глаза. Он томно посмотрел на Марка, который ответил ему холодным взглядом. Когда мы приблизились, монахи поклонились приору, получив в ответ едва заметный кивок.

– Все это очень интересно, – прошептал я Марку. – Создается впечатление, что над этим монастырем вовсе не нависает угроза упразднения. Они говорят о реконструкции церкви так, будто уверены: их обитель простоит вечно.

– А вы заметили, как пялился на меня тот высокий монах?

– Еще бы. Это тоже весьма интересно.

Мы уже приближались к дому, когда старый монах в белой рясе, стоявший у церковной стены, выступил вперед и оказался на дорожке прямо перед нами. Это был тот самый картезианец, которого мы уже видели во внутреннем дворе.

Приор поспешил ему навстречу.

– Брат Джером! – сердито крикнул он. – Сейчас не время для твоих выходов! Прошу тебя, возвращайся к своим молитвам.

Картезианец, едва удостоив приора презрительным взглядом, обошел его, словно неодушевленный предмет. Я заметил, что он приволакивает правую ногу и при ходьбе тяжело опирается на костыль. Левая его рука явно была повреждена и безжизненно висела вдоль туловища. На вид ему было около шестидесяти лет, редкие волосы были куда белее, чем его потрепанная, покрытая пятнами ряса. Но яростные глаза старого монаха так и сверкали на бледном изможденном лице. С неожиданной ловкостью увернувшись от приора, пытавшегося преградить ему путь, он подошел прямо ко мне.

– Так ты посланец лорда Кромвеля? – спросил он надтреснутым, дребезжащим голосом.

– Да, сэр.

– Все, взявшие меч, мечом погибнут. Известны тебе эти слова?

– Евангелие от Матфея, глава двадцать шесть, стих пятьдесят два, – ответил я. – Но что вы хотите этим сказать? – Мысль о злодеянии, приведшем меня сюда, мгновенно пришла мне на ум. – Вы намерены сделать признание?

В ответ монах разразился презрительным смехом:

– Нет, горбун, я просто напомнил тебе слова Господа нашего, ибо они истинны.

Приор Мортимус схватил картезианца за здоровую руку, пытаясь оттащить его от меня. Тот стряхнул его ладонь и захромал прочь.

– Прошу вас, не обращайтесь на него внимания, – взмолился приор. Лицо его побледнело, и малиновые прожилки сосудов резко проступили на жирных щеках. – Бедняга не в своем уме, – добавил он, поджав губы.

– Но откуда он здесь? Что делает в вашем монастыре монахах картезианского ордена?

– Видите ли, мы разрешили ему жить здесь, снисходя к его достойному жалости состоянию. К тому же об этом просил его родственник, чьи земли находятся по соседству с нашими.

– А из какого он монастыря?

– Он прибыл из Лондона, – с явной неохотой сообщил приор. – Мы так и зовем его – Джером из Лондона.

У меня глаза на лоб полезли от удивления.

– Так, значит, он из того самого монастыря, где приор и половина монахов отказались присягнуть на верность королю и были подвергнуты казни?

– Но брат Джером принял присягу, – сказал приор. – Правда, не сразу. Господину Кромвелю пришлось приложить для этого определенные усилия. – Он многозначительно посмотрел на меня. – Вы понимаете, о чем я говорю?

– Его пытали на дыбе?

– Да, Джерома подвергли страшным истязаниям. Тогда-то

он и повредился в уме. Впрочем, страдания, которые он перенес, лишь заслуженная кара за неповиновение. А сейчас мы держим его у себя из милосердия. И надо признать, зачастую он испытывает наше терпение.

– А что он имел в виду, когда процитировал Евангелие?

– Одному Богу известно. Я же говорю, этот человек не в своем уме.

С этими словами приор повернулся и открыл калитку. Вслед за ним мы вошли в сад, где среди голых колючих ветвей цвело несколько зимних роз. Я обернулся, но хромоногий монах уже скрылся из виду. Однако воспоминание о его горящем взоре заставило меня содрогнуться.

Глава 5

Приор постучал в дверь, и она незамедлительно распахнулась. На пороге стоял здоровенный малый в синем одеянии монастырского служки. Он обеспокоенно скользнул взглядом по нашим лицам.

– Эти господа прибыли из Лондона по поручению главного правителя, – сообщил приор. – Они желают срочно видеть аббата. Он дома?

Служка согнулся в почтительном поклоне.

– Вы прибыли по поводу этого ужасного убийства, господа, – пробормотал он. – К сожалению, нас никто не предупредил о вашем приезде. Аббат Фабиан еще не вернулся, хотя мы ожидаем его с минуты на минуту. Но входите, прошу вас.

Он провел нас в просторный зал, обшитый панелями, на которых были изображены охотничьи сцены.

– Полагаю, вам будет удобнее подождать в приемной, – предложил приор.

– А где сейчас доктор Гудхэпс?

– В своей комнате наверху.

– Прежде всего мы поговорим с ним.

Приор кивнул служке, и тот провел нас по широкой лестнице на второй этаж. Остановившись у закрытой двери, приор громко постучал. До нас донесся приглушенный возглас,

затем звук поворачиваемого в замке ключа. Дверь со скрипом распахнулась, и какой-то бледный растрепанный человек недовольно уставился на нас.

– Приор Мортимус, – произнес он визгливым голосом, – зачем так колотить в дверь? Вы меня испугали.

Губы Мортимуса тронула сардоническая усмешка.

– Неужели? Примите мои извинения. Но вы в полной безопасности, любезный доктор. Лорд Кромвель прислал нам своего эмиссара, который намерен расследовать свершившееся преступление.

– Доктор Гудхэпс? – осведомился я. – Я – Мэтью Шардлейк, посланник лорда Кромвеля. Он направил меня сюда, получив ваше письмо.

Доктор минуту помедлил, потом шире распахнул дверь и позволил нам войти в свою спальню. То была довольно просторная комната с широкой кроватью под пологом и толстыми подушками, лежавшими прямо на полу и заменявшими кресла. Единственное окно выходило в шумный внутренний двор. На полу громоздилась целая гора книг, на вершине которой чудом держался поднос с кувшином вина и оловянными кружками. В очаге горел огонь, и мы с Марком разом устремились туда, так как промерзли до костей. Я повернулся к приору, который стоял в дверях, не спуская с нас обеспокоенных глаз.

– Спасибо, брат. Надеюсь, вы будете настолько любезны, что сообщите нам, когда прибудет аббат, – сказал я.

В ответ приор молча поклонился и удалился прочь.

– Во имя нашего Спасителя, закройте скорее дверь, – взвизгнул старый доктор, нервно ломая руки.

Он издал столь глубокий вздох, что его седые редкие волосы взметнулись в воздух. Черное священническое одеяние Гудхэпса было измято и покрыто пятнами, а по аромату, распространяемому его дыханием, нетрудно было догадаться, что он изрядно накачался вином.

– Так, значит, лорд Кромвель получил мое письмо? Хвала Всевышнему! Я боялся, что письмо будет перехвачено! И сколько же человек прибыло с вами?

– Нас всего двое. Вы разрешите мне сесть? – спросил я, осторожно опускаясь на одну из подушек.

Стоило мне сесть, как согбенная спина испытала огромное облегчение. Как видно, господин Гудхэпс лишь в этот момент заметил мое увечье. Он перевел взгляд на Марка, который как раз отстегивал от пояса перевязь с мечом.

– Я вижу, юноша вооружен. Он сумеет защитить нас?

– Сумеет, если возникнет такая необходимость. А вы уверены в том, что нам понадобится защита?

– Еще бы, сэр. После того, что здесь случилось... Я не сомневаюсь, господин Шардлейк, что мы окружены врагами.

Я видел, что собеседник мой не на шутку напуган, и ободряюще улыбнулся ему. Испуганного свидетеля, так же как и испуганную лошадь, прежде всего следует успокоить.

– Теперь, когда мы здесь, вам более не о чем тревожить-

ся, сэр, – заявил я. – Должен сказать, в дороге мы порядком утомились и будем благодарны, если вы угостите нас вином. А пока мы будем греться у очага, вы подробно расскажете обо всем, что здесь произошло.

– О сэр, клянусь Пресвятой Девой, никогда прежде я не видел столько крови...

Я предостерегающе вскинул руку:

– Прошу вас, начните с самого начала. С вашего прибытия в монастырь.

Доктор Гудхэпс налил нам вина, уселся на кровать и принялся тереть пальцами свои спутанные седые волосы.

– У меня не было ни малейшего желания сюда приезжать, – со вздохом произнес он. – Я немало потрудился на благо реформы в Кембридже. А для подобных поручений я слишком стар. Но Робин Синглтон в прошлом был моим студентом. И он обратился ко мне за помощью. Вы знаете, он намеревался убедить монахов этого злосчастного монастыря добровольно дать согласие на упразднение обители. И ему нужен был знаток канонического права. К тому же я не мог противиться желанию главного правителя, – с горечью добавил он.

– Да, противиться его желаниям трудно, – кивнул я. – Насколько я понимаю, вы с Синглтоном прибыли сюда неделю назад?

– Да. Нам пришлось проделать тяжелый путь.

– И как проходили ваши переговоры с монахами?

– Как я и предполагал, сэр, они ни к чему не привели. Синглтон с самого начала принялся сыпать угрозами. Заявил, что монастырь погряз в грехе и разврате и самое лучшее, что могут сделать монахи, – согласиться на предложенные пенсии и оставить свою обитель. Но аббату Фабиану слишком хорошо здесь живется, и он отнюдь не собирается отказываться от всех своих благ даже взамен на денежное вознаграждение. Подумайте сами, здесь он ощущает себя богатым землевладельцем, настоящим лордом. А на самом-то деле он всего-навсего сын местного судового поставщика.

Гудхэпс допил последние капли из своей кружки и вновь потянулся к кувшину с вином. Впрочем, я не мог обвинять этого беспомощного старика в том, что он, испуганный и одинокий, пытается утопить свои страхи в вине.

– Аббат Фабиан очень умен и хитер, – продолжал Гудхэпс. – Он прекрасно понимает, что после недавнего восстания главный правитель воздержится от принудительного уничтожения монастырей. Робин Синглтон, эмиссар, попросил меня хорошенько покопаться в книгах и найти какой-нибудь закон, грубо попираемый в этом монастыре. Он рассчитывал таким образом запугать их. Я сказал, что это пустая трата времени, но Робин Синглтон никогда не был силен в законоведении. Он привык действовать силой. Упокой Господи его душу, – со вздохом добавил Гудхэпс, но, будучи верным реформатором, не стал осенять себя крестным знамением.

– Вы правы, монахов не так легко запугать, – кивнул я. – Впрочем, думаю, в этом монастыре законы блюдутся отнюдь не строго. Насколько мне известно, здешние монахи были уличены в содомии и краже. И то и другое более чем серьезные преступления.

Гудхэпс вновь сокрушенно вздохнул:

– Боюсь, лорда Кромвеля ввели в заблуждение. Мировой судья – убежденный реформатор, но его сообщение о продаже монастырских земель за бесценок не соответствует истине. На самом деле никаких свидетельств того, что при расчетах совершались нарушения, не существует.

– А все эти разговоры о царящем здесь разврате?

– Они тоже не имеют под собой оснований. Аббат настаивает на том, что после официальной ревизии они строго выполняют все предъявленные требования. Правда, бывший приор упорно противился нововведениям. Однако его убрали из монастыря вместе с парочкой самых вздорных монахов, тоже склонных мутить воду. И его место занял этот шотландский верзила.

Я осушил свой стакан, но воздержался от того, чтобы попросить еще. Чуть живой от усталости, я так разомлел от тепла и от выпитого вина, что теперь мне хотелось одного – лечь и забыться сном. Однако я знал, что в течение ближайших часов мне понадобится ясная голова.

– А что вы можете сказать о здешней братии?

– Они ничуть не отличаются от всех прочих монахов, – по-

жал плечами Гудхэпс. – Ленивы и самодовольны. Позволяют себе играть в карты и охотиться – вы, наверное, видели, что в монастыре полно собак. Сами не отказывают себе ни в чем, а служек держат впроголодь. Но надо признать, они выполняют все последние предписания, совершают церковные службы на английском языке, и я ни разу не заметил в здешних стенах женщин дурного поведения. Этот краснорожий приор строго следит за дисциплиной. Делает вид, что всей душой поддерживает нововведения лорда Кромвеля. Но я ему не верю. Здесь никому нельзя верить. Старшие монахи на вид сама кротость и смирение, но на самом деле все они закоренелые еретики. Хотя, конечно, они ловко скрывают свои истинные убеждения. За исключением этого калеки, картезианца. У него что на уме, то и на языке. Но он не член здешнего братства.

– Ах да, брат Джером, – усмехнулся я. – Мы уже имели случай с ним побеседовать.

– Вам известно, кто он такой?

– Нет.

– Родственник королевы Джейн, упокой Господи ее душу. Именно поэтому его и не казнили вместе с другими картезианцами, когда он отказался присягнуть на верность королю. Его пытали до тех пор, пока он не принял присягу, а потом отправили сюда на покой. Кстати, один из самых богатых местных землевладельцев также приходится ему родственником. А я думал, в кабинете лорда Кромвеля извест-

но, что брат Джером находится здесь.

– Бумаги порой теряются даже в кабинете лорда Кромвеля, – с улыбкой заметил я.

– Все прочие монахи терпеть не могут брата Джерома, потому что он беспрестанно их оскорбляет, – продолжал Гудхэпс. – Упрекает их в лени и мягкотелости. Ему запрещено выходить за пределы монастырской ограды.

– Вне всякого сомнения, эмиссар Синглтон беседовал со многими монахами, надеясь выведать их неприглядные тайны, – заметил я. – Скажите, те, на кого пало подозрение в содомии, по-прежнему находятся здесь?

– И нет ли среди них высокого монаха с растрепанными светлыми волосами? – впервые за все время подал голос Марк.

– А, вы говорите о Габриеле, ризничем, – пожал плечами Гудхэпс. – Да, он один из них. На вид этого, правда, никак не скажешь. Высокий, здоровенный малый. Но иногда в его взгляде сквозит нечто странное. Эмиссар Синглтон пытался надавить на монахов, но все они твердят, что невинны, как небесные ангелы. Эмиссар Синглтон поручил мне расспросить монахов, узнать у них некоторые подробности относительно их обихода. Но хоть я и ученый, я не слишком искусен по части подобных бесед.

– Насколько я понимаю, эмиссар Синглтон не стяжал больших симпатий среди здешней братии? Кстати, мне несколько раз доводилось с ним встречаться. По моим на-

блюдениям, он был несколько вспыльчив.

– Да, из-за собственной несдержанности он легко наживал себе врагов. Впрочем, его это мало волновало.

– Расскажите мне о его смерти.

Старый доктор втянул голову в плечи и погрузился в тяжелые воспоминания.

– В конце концов Синглтон убедился, что давить на монахов – бессмысленное занятие. Тогда он поручил мне составить список всех возможных нарушений канонического закона, в которых только можно обвинить монастырь. А сам проводил все время, просматривая архивные документы и счета. Однако никакой крамолы не обнаружил. Синглтон начал беспокоиться, ведь ему предстояло держать отчет перед лордом Кромвелем. В последние два дня я его почти не видел. Он, не поднимая головы, сидел в казначействе над расчетными книгами.

– А что он искал?

– Я уже говорил вам, любые нарушения. Он был готов ухватиться за любую мелочь. У него был опыт нового итальянского ведения счетов, знаете, когда все умножается на два.

– Да, двойная бухгалтерия. Значит, в законах он разбирался неважно, а в счетах хорошо?

– Верно, – со вздохом подтвердил Гудхэпс. – В последний вечер мы, по обыкновению, ужинали вдвоем. Мне показалось, что настроение у Синглтона несколько улучшилось. Он

сказал, что после ужина собирается посмотреть некую расчетную книгу, которую получил у казначея. Кстати, сам казначей в тот вечер куда-то уехал из монастыря. Так что его здесь не было... когда это случилось.

– А как он выглядит, этот казначей? Не тот ли это низенький толстый монах с черными глазами, которого мы видели у мастерской каменотеса? Он как раз спорил из-за денег.

– Да, это он. Брат Эдвиг. Наверняка он спорил с ризничим из-за расходов на ремонт церкви. Мне он нравится, брат Эдвиг. Человек практического склада. Терпеть не может бросать деньги на ветер. В нашем колледже такой казначей тоже не помешал бы. Да, что касается ведения повседневных дел монастыря, приор Мортимус и брат Эдвиг прекрасно с этим справляются. Они, что называется, крепко держат бразды правления.

Сообщив это, Гудхэпс вновь приложился к кружке с вином.

– А что произошло после ужина?

– Я проработал около часа, затем помолился и улегся в постель.

– И сразу уснули?

– Да. Но около пяти утра я внезапно проснулся. В коридоре раздавались торопливые шаги, чьи-то взволнованные голоса. А потом в дверь что есть мочи забарабанили – в точности так, как это недавно сделал приор. – Тяжелые воспоминания заставили Гудхэпса содрогнуться. – Открыв дверь,

я увидел, что в коридоре стоит аббат, а за ним толпится не меньше дюжины монахов. Стоило взглянуть на лицо аббата, чтобы понять – он испуган до потери рассудка. Он сообщил мне, что посланник лорда Кромвеля мертв. Сказал, что, несомненно, произошло убийство. Я оделся и вслед за аббатом поспешил вниз. Все обитатели монастыря были на ногах и пребывали в страшном волнении. До меня доносились отголоски приглушенных разговоров о запертых дверях и о лужах крови. Я слышал даже, что кто-то упомянул о том, что убитого наказал Господь. Принесли факелы, и через дортуары монахов мы направились на кухню. Там было так холодно, в этих темных бесконечных коридорах. И всюду группками стояли монахи и служки, встревоженные, испуганные. Наконец дверь в кухню распахнулась. Господь милосердный...

К моему удивлению, на этот раз Гудхэпс не удержался и торопливо перекрестился.

– Там пахло, как в лавке мясника, – сообщил он со сдавленным смешком. – В комнате горело множество свечей, они были повсюду – на столах, на шкафах. Я наступил в какую-то липкую лужу, и приор потянул меня за рукав. Взглянув себе под ноги, я заметил, что на полу разлита какая-то темная жидкость. Я не сразу понял, что это такое. А потом я увидел, что посреди комнаты лежит на животе Робин Синглтон. Его одежда была сплошь покрыта темными пятнами. Было ясно: с ним что-то не так, но глаза мои отказывались верить уви-

денному. А потом я осознал, что у него нет головы. Оглядевшись по сторонам, я увидел ее, эту голову, – она лежала под маслобойкой и пристально смотрела на меня. Лишь тогда я догадался, что лужа у меня под ногами – это кровь.

Гудхэпс закрыл глаза, отдаваясь тягостному воспоминанию.

– Господи Боже, сказать, что я пришел в ужас, означает не сказать ничего.

Он открыл глаза, одним глотком опорожнил свою кружку и вновь потянулся к кувшину, однако я отодвинул его в сторону.

– Думаю, на сегодня вам достаточно, доктор Гудхэпс, – мягко предостерег я. – Прошу вас, продолжайте.

На глаза старика навернулись слезы.

– Я сразу подумал, что Синглтона убили монахи. Они казнили его, а теперь настала моя очередь. Я смотрел на них, выглядывая в их толпе своего палача, человека с топором. Все они казались мне такими суровыми и жестокими. Этот безумный картезианец тоже был здесь. Он злобно ухмыльнулся и закричал: «Мне отмщение, сказал Отец наш Небесный».

– Он выкрикнул именно это?

– Да. Аббат приказал ему замолчать и подошел ко мне. «Господин Гудхэпс, вы должны решить, как нам теперь поступить», – произнес он дрожащим голосом. И тут я понял, что все они испуганы не менее моего.

– Можно мне кое-что сказать? – вмешался Марк.

Я кивнул в знак согласия.

– Этот картезианец никак не мог отрубить голову кому бы то ни было. Тут требуется немалая сила. К тому же для нанесения такого удара необходимо сохранять равновесие, а он здорово хромает.

– Да, ты прав, – кивнул я и вновь повернулся к старому доктору. – И что же вы ответили аббату?

– Он говорил что-то о необходимости поставить в известность городские власти. Но я твердо знал: прежде всего следует сообщить о случившемся лорду Кромвелю. Подобное убийство неизбежно сопряжено с политикой. Да, еще аббат рассказал мне, что старый Багги, привратник, обходя монастырь ночью, видел Синглтона. И якобы тот сообщил ему, что намерен встретиться с одним из монахов.

– А в котором часу это произошло? Или старик этого не помнит?

– Разумеется, не помнит. Он вообще имеет слабое представление о времени. Сказал лишь, что Синглтон явно был недоволен, столкнувшись с ним, и разговаривал, по своему обыкновению, грубо и резко.

– Понятно. Что произошло потом?

– Я приказал монахам хранить молчание. Сказал, что отныне ни одно письмо не должно быть отправлено без моего разрешения. А сам незамедлительно написал лорду Кромвелю и отправил письмо с деревенским посыльным.

– Вы поступили совершенно правильно, господин Гудхэпс. Рассудительность не отказала вам даже в самую трудную минуту.

– Спасибо за добрые слова. – Доктор Гудхэпс промокнул глаза рукавом. – Так или иначе, я едва не заболел от страха. Отдав распоряжения, я заперся в своей комнате и с тех пор не выходил отсюда. Поверьте, господин Шардлейк, мне очень жаль, что в этой ситуации я не проявил должного мужества. Мне следовало провести расследование, не дожидаясь вашего приезда. Но, увы, я лишь ученый.

– Ничего, теперь мы здесь, и мы добьемся правды. Скажите, а кто обнаружил тело?

– Брат Гай, который ходит за больными в лазарете. Такой высокий, темноволосый. Он сказал, что ему понадобилось зайти в кухню за молоком для одного из больных. У него есть ключ. Он отпер наружную дверь, по небольшому коридору дошел до кухни. Войдя туда, он сразу наступил в лужу крови и поднял тревогу.

– Значит, дверь в кухню обычно запирается на ночь?

– Да, – кивнул Гудхэпс. – Иначе монахи и служки мигом растащили бы все съестные припасы. Вы сами знаете, набивать брюхо – любимое занятие большинства святых братьев. Не случайно многие из них так разжирили.

– Выходит, у убийцы был ключ. Это указывает на то, что он был из числа монахов. Впрочем, об этом говорят и сведения о некоей предполагаемой встрече, сообщенные приврат-

ником. Но в вашем письме говорится о том, что здешняя церковь подверглась осквернению. Если я не ошибаюсь, были похищены святые мощи?

– Да, – подтвердил Гудхэпс. – Мы все стояли в кухне, когда прибежал один из монахов и сказал, – тут доктор судорожно вздохнул, – что на алтаре принесен в жертву черный петух. А потом выяснилось, что пропали мощи Раскаившегося Вора. Монахи уверены, что в монастырь проник кто-то посторонний, осквернил церковь и похитил мощи. Эмиссар, совершая позднюю прогулку, увидел грабителя, и тогда тот убил его.

– Но каким образом посторонний мог проникнуть в запертую кухню?

– Возможно, он подкупил кого-то из служек, – пожав плечами, предположил Гудхэпс. – Тот на время дал ему ключи, и злоумышленник сделал копию. Именно так думает аббат. Ведь монастырский повар – это всего лишь служка. И у него, разумеется, есть ключ от кухни.

– А что вы можете сказать о пропавших мощах? Они действительно имеют ценность?

– Ох, о них я вспомнить не могу без содрогания. Только представьте себе истлевшую руку, прибитую гвоздями к куску дерева! Хранились мощи в большом золотом ларце, отделанном драгоценными камнями. Я так полагаю, то были самые настоящие изумруды. Считалось, что эти мощи способны исцелять недуги, в особенности сломанные и искривлен-

ные кости. Но, сами понимаете, это всего лишь сказка, выдуманная монахами для того, чтобы морочить неразумных. – На мгновение в голосе его послышалась страсть убежденного реформатора. – Несомненно, пропажа мощей расстроила монахов куда сильнее, чем смерть Синглтона, – добавил он.

– Вы кого-нибудь подозреваете? – задал я главный вопрос. – Как вы думаете, кто мог совершить убийство?

– Откровенно говоря, я теряюсь в догадках. Монахи обвиняют во всем поклонников дьявола. Утверждают, что и похищение мощей, и убийство – их рук дело. Но и сами монахи ненавидят нас, реформаторов. В этом монастыре ненавистью пропитан даже воздух. Сэр, теперь, когда вы здесь, могу я отправиться домой?

– Пока что вы мне необходимы, доктор Гудхэпс. Но возможно, вскоре вы сможете уехать.

– По крайней мере, теперь, когда вы и этот славный юноша рядом, я не буду чувствовать себя таким одиноким в стане врагов.

Раздался стук в дверь, и на пороге показался служка.

– Сэр, аббат Фабиан вернулся.

– Отлично. Марк, помоги мне подняться. У меня страшно затекли ноги.

Марк протянул мне руку, и я с усилием встал.

– Благодарю вас, доктор Гудхэпс. Позднее мы вернемся к нашему разговору. Кстати, что случилось с бухгалтерскими книгами, которые так тщательно изучал эмиссар?

– Их забрал казначей, – сообщил старый доктор и покачал седовласой головой. – И как только подобное преступление могло случиться? Я мечтал лишь о реформе Церкви. Но в результате мир стал более жестоким и количество совершаемых в нем злодеяний лишь возросло. Восстания, предательства, убийства. Порой мне кажется, нам никогда не преодолеть вездесущего зла.

– Тот, кто творит зло, непременно будет наказан, – убежденно произнес я. – В это я верю неколебимо. Идем, Марк. Нам пора побеседовать с досточтимым аббатом.

Глава 6

Вслед за служкой мы спустились вниз по лестнице и, миновав темный коридор, оказались в просторной комнате, стены которой были увешаны фламандскими гобеленами, выцветшими от старости, но все равно чрезвычайно красивыми. Окна выходили на монастырское кладбище, где во множестве росли деревья; двое служек сгребали в кучи последние сухие листья.

– Отец аббат переодевается. Ему необходимо сменить костюм для верховой езды. Он просил вас немного подождать, – сообщил служка и с поклоном удалился.

Мы подошли к очагу и стали греть спины.

В центре комнаты находился громадный письменный стол, заваленный бумагами и пергаментными свитками. Около стола стояло удобное мягкое кресло, напротив – несколько стульев. Я заметил на столе медный поднос, на котором красовалась аббатская печать, а рядом с ней – фляга с вином и серебряные стаканы. Всю стену за столом сплошь закрывали книжные полки.

– Надо же, как хорошо живут монастырские аббаты, – насмешливо заметил Марк, оглядевшись по сторонам.

– О да, обычно они занимают весьма уютные особнячки, – подхватил я. – Первоначально аббаты жили вместе с прочей братией, в более чем аскетичной обстановке. Но несколько

веков назад аббатам было разрешено иметь свой дом и свои доходы, не облагаемые налогом. И теперь они купаются в довольстве и неге, а делами монастырей в основном занимаются приоры.

– А почему король не внесет изменения в закон? Не понимаю, по какой причине аббаты не платят налогов?

– В прошлом короли хотели обеспечить себе поддержку аббатов в палате лордов, – пояснил я. – А сейчас... что ж, думаю, аббатам недолго осталось наслаждаться своими привилегиями.

– Насколько я понимаю, на самом деле монастырем управляет этот краснорожий шотландец?

– Похоже, он относится к числу любителей распускать руки, – произнес я, огибая стол и рассматривая книжные полки. На одной из них я заметил свод английских законов. – Ты видел, с каким удовольствием он лупил того несчастного мальчишку?

– Вид у парня был жалкий. По-моему, он нездоров.

– Несомненно. Любопытно было бы знать, почему послушника заставляют выполнять черную работу, которой обычно занимаются служки.

– А я считал, что тяжелая работа – обязанность всех монахов и они должны в поте лица зарабатывать хлеб свой.

– Да, таковы предписания святого Бенедикта. Но за последние сто лет во всех бенедиктинских монастырях вряд ли найдется хотя бы один монах, который выполнял бы эти

предписания. Грязную работу святые братья предпочитают оставлять служкам. Служки не только готовят и ухаживают за лошадьми, но топят очаги, стелют монахам постели, а порой даже помогают им раздеваться и одеваться. Кто знает, каких еще услуг требуют избалованные и изнеженные святые братья...

Я взял печать с подноса и принялся рассматривать ее в свете пламени. Она была сделана из стали. Я показал Марку изображение святого Доната в римской тоге, выгравированное на печати. Перед святым лежал на плетеных носилках какой-то человек, протянувший в мольбе руки. Гравировка была выполнена на редкость искусно, можно было рассмотреть каждую складочку широких одеяний.

– Святой Донат возвращает умершего к жизни, – пояснил я. – Незадолго перед нашим отъездом я дал себе труд заглянуть в Жития святых.

– Он умел воскрешать мертвых? Так же как Христос, воскресивший Лазаря?

– Согласно преданию, однажды святой Донат увидел, как усопшего несут к могиле. За носилками, заливаясь слезами, шла вдова. Какой-то человек подошел к ней и потребовал вернуть деньги, которые ему задолжал усопший. Тогда святой Донат приказал умершему подняться и привести в порядок свои земные дела. Тот сел на носилках и заявил, что выплатил все долги. После этого он опочил вновь. Деньги, деньги, деньги – вот что извечно занимало людей больше всего.

Тут раздались торопливые шаги, дверь распахнулась, и в комнату вошел высокий широкоплечий человек лет пятидесяти. Из-под его черной бенедиктинской сутаны виднелись бархатные штаны и башмаки с серебряными пуговицами. Лицо его, с горбатым римским носом и несколько грубыми чертами, цвело здоровым румянцем. Густые каштановые волосы, обрамлявшие тонзуру, были аккуратно подстрижены. Губы его расплылись в улыбке, когда он приблизился к нам.

– Я – аббат Фабиан, – произнес он. Манеры аббата были исполнены воистину патрицианского достоинства. Однако в его глубоком и звучном голосе мне послышались тщательно скрываемые нотки тревоги. – Добро пожаловать в монастырь Святого Доната. Pax vobiscum.

– Господин Мэтью Шардлейк, эмиссар главного правителя, – представился я.

Я намеренно не дал должного ответа – «И с вами» – на латинское приветствие аббата «Мир с вами», ибо отнюдь не желал быть втянутым в бормотание на латыни.

Аббат неспешно кивнул и окинул взглядом мою согбенную фигуру. Его глубоко посаженные голубые глаза расширились от удивления, когда он заметил, что я держу в руках монастырскую печать.

– Сэр, прошу вас, будьте осторожны, – процедил он. – Этой печатью мы скрепляем все официальные документы. Она никогда не покидает стен этой комнаты. Согласно пра-

вилам, только я имею право держать ее в руках.

– В качестве посланника короля я имею право держать в руках все, что мне потребуется, господин аббат, – отрезал я.

– Да, сэр, разумеется. – Глаза аббата неотрывно следили за печатью, которую я опустил на поднос. – Полагаю, сэр, после долгого пути вы изрядно проголодались. Если не возражаете, я прикажу подать ужин.

– Благодарю вас, но лучше сделать это несколько позднее.

– Мне очень жаль, что пришлось заставить вас ждать. Но у меня были срочные дела с управляющим дальним имением. Мы еще не закончили с расчетами за урожай. Позвольте предложить вам вина?

– Разве что совсем немного.

Он налил мне вина, потом повернулся к Марку:

– Могу я узнать, кто вас сопровождает?

– Это Марк Поэр, мой помощник.

Аббат недовольно вскинул бровь:

– Господин Шардлейк, нам предстоит обсудить весьма серьезную проблему. Я полагаю, будет лучше, если наш разговор состоится с глазу на глаз. Юноша может отправиться в покои, которые уже приготовлены для вас.

– Полагаю, господин аббат, ему лучше остаться. Да будет вам известно, господин Поэр сопровождает меня по требованию главного правителя. Он будет присутствовать при нашем разговоре до тех пор, пока я сам не прикажу ему удалиться. Вы хотите взглянуть на бумаги, удостоверяющие мои

полномочия?

При этих словах Марк бросил на аббата насмешливый взгляд.

Щеки аббата залились краской.

– Как вам будет угодно, – промолвил он, склонив голову.

Я достал документы и протянул ему.

Руки аббата слегка дрожали, когда он взломал печать.

– Я уже переговорил с доктором Гудхэпсом, – сообщил я.

Лицо аббата приняло непроницаемое выражение, а его крючковатый нос слегка сморщился, словно ощутив враждебный запах Кромвеля, исходивший от документов.

Я посмотрел в окно. Работники, закончив сгребать листья, подожгли их, и в серое вечернее небо устремилась тонкая струйка дыма. Ранние сумерки уже начали сгущаться.

Аббат пробежал бумаги глазами, потом положил их на стол и вновь посмотрел на меня, сцепив руки на животе.

– Это убийство – без сомнения, самое ужасное событие, случившееся в нашем монастыре за всю его историю, – изрек он. – Полагаю, вам известно, что оно сопровождалось осквернением церкви. Все это... повергло меня в отчаяние.

Я кивнул:

– Лорд Кромвель тоже был весьма обеспокоен, узнав о происшедшем. Он не желает, чтобы по стране поползли слухи об этом прискорбном событии. Надеюсь, все обитатели вашего монастыря хранили молчание?

– Разумеется, сэр. И монахам, и служкам было сказано:

если хоть одно слово проникнет за стены обители, им всем придется держать ответ перед главным правителем.

– Рад слышать, что вы столь неукоснительно выполняете полученные распоряжения. Пожалуйста, проследите за тем, чтобы все письма, прибывающие в монастырь, прежде всего доставлялись мне. И разумеется, ни одно письмо не должно быть послано без моего одобрения. А теперь поговорим о визите эмиссара Синглтона. Насколько я понимаю, он был здесь отнюдь не желанным гостем?

Аббат тяжело вздохнул:

– Что я могу сказать? Две недели назад я получил письмо из канцелярии лорда Кромвеля. Там говорилось, что в наш монастырь вскоре прибудет эмиссар, который обсудит с нами некоторые весьма важные вопросы. Едва прибыв, эмиссар Синглтон сделал заявление, поразившее меня как гром среди ясного неба. Он сообщил, что цель его визита – заставить нас дать добровольное согласие на упразднение монастыря. – Аббат не сводил с меня глаз, в которых теперь светились не только тревога, но и откровенный вызов. – Да, эмиссар настаивал на том, что согласие на роспуск должно быть именно добровольным, – повторил аббат. – Ему во что бы то ни стало нужно было добиться этого, и он пускал в ход разные способы – от денежных посулов до каких-то туманных угроз. Впрочем, должен сказать, что все его намеки на беззакония, якобы творившиеся в нашем монастыре, не имели под собой ни малейших оснований. Документ о доброволь-

ном упразднении, который он предлагал мне подписать, являл собой пример самой беззастенчивой клеветы. Там содержались признания в том, что вся наша жизнь проникнута ложью и притворством, что мы предаемся разврату и по-прежнему справляем церковные службы, следуя бессмысленному римскому обычаю. – В голосе аббата зазвучала откровенная обида. – В то время как все службы в нашем монастыре совершаются в полном соответствии с распоряжениями главного правителя и каждый из братьев принес клятву, в которой отказался признавать власть Папы.

– Разумеется, – кивнул я. – В противном случае ваш монастырь ожидали бы весьма неприятные последствия.

Я заметил, что на сутане аббат носит знак пилигрима, означающий, что он совершил паломничество к гробнице Пресвятой Девы в Уолсингеме. Впрочем, не в столь давнем прошлом подобное паломничество совершил и сам король.

Аббат глубоко вздохнул и продолжил:

– Признаюсь, между мною и эмиссаром Синглтоном не раз вспыхивали жаркие споры. Я пытался убедить его в том, что существующие ныне законы не позволяют главному правителю приказать мне и моим монахам покинуть свою обитель. И в этом доктор Гудхэпс, знаток канонического права, вынужден был согласиться со мной.

На это мне нечего было возразить.

– Возможно, нам следует перейти к обстоятельствам убийства, – сказал я. – Именно это событие занимает меня

сейчас более всего.

Аббат угрюмо кивнул:

– Четыре дня назад, после обеда, между мною и эмиссаром Синглтоном вновь произошла длительная и, осмелюсь сказать, совершенно бесплодная беседа. Потом мы расстались, и я более не видел его в тот день. Он занимал комнаты, расположенные здесь же, в этом доме, но они с доктором Гудхэпсом всегда ужинали отдельно. Окончив дневные дела, я, как обычно, лег спать. В пять часов утра в комнату мою ворвался брат Гай, служитель лазарета. Он сообщил мне, что только что был в кухне и обнаружил там тело эмиссара Синглтона, плавающее в луже крови. Сказал, что у несчастного отрублена голова. – Лицо аббата исказилось от отвращения, и он затряс головой, словно отгоняя ужасающую картину. – Не дай вам Бог, сэр, когда-нибудь увидеть каменный пол, сплошь залитый кровью. А потом, когда монахи пошли к заутрене, выяснилось, что церковь подверглась осквернению.

Аббат смолк, и глубокая складка залегла меж его бровей. Я видел, что ему тяжело вспоминать о случившемся.

– Каким же образом была осквернена церковь?

– Алтарь заливала кровь. То была кровь черного петуха. Он валялся перед алтарем, обезглавленный. Боюсь, господин Шардлейк, мы столкнулись с происками колдунов.

– Насколько мне известно, из церкви также пропали святые мощи?

Аббат закусил губу.

– Да, была похищена величайшая святыня Скарнси. Рука Раскавшегося Вора, который был распят вместе с Христом. Нетленная длань, прибитая к кресту гвоздями. Брат Габриель обнаружил, что святыня исчезла тем же утром, но несколько позднее.

– Это ведь весьма ценная вещь. Если я не ошибаюсь, мощи находились в золотом ларце, украшенном изумрудами.

– Да. Но поверьте, утрата драгоценного ларца огорчила всех нас куда меньше, чем утрата его содержимого. При одной мысли о том, что святые мощи, обладающие столь великой силой, попали в грязные руки колдуна или ведьмы...

– Полагаю, посланник короля был умерщвлен без помощи колдовства, – перебил я.

– У некоторых братьев существуют серьезные сомнения на этот счет. В кухне нет никаких орудий, посредством которых можно отсечь человеку голову.

Я подался вперед, опершись руками на колени. Сделал я это главным образом для того, чтобы облегчить ноющую боль в спине. Однако в подобной позе чувствовалось нечто угрожающее, и я прекрасно это сознавал.

– Ваши отношения с эмиссаром Синглтоном никак нельзя было назвать теплыми, – процедил я. – Насколько я понял из ваших слов, он всегда ужинал в своей комнате?

Аббат развел руками:

– Поверьте, господин Синглтон был окружен в нашем мо-

настыре почетом и уважением, приличествующим его высокой миссии королевского посланника. Он не пожелал разделить со мной стол, и я не смел настаивать на противном. Но прошу вас, – аббат слегка возвысил голос, – позвольте мне повторить: я рассматриваю его смерть как ужасное несчастье. Будь моя воля, я давно бы предал его останки христианскому погребению. То, что тело до сих пор не предано земле, беспокоит монахов. Многие опасаются, что в обители будет являться призрак убитого. Однако доктор Гудхэпс настоял на том, что тело следует оставить непогребенным до вашего приезда. Он полагал, что вы пожелаете осмотреть его.

– Весьма разумное предположение. В самое ближайшее время я непременно осмотрю тело.

Взгляд аббата, устремленный на меня, стал еще внимательнее.

– Вы хотите расследовать это злодеяние в одиночку, не привлекая городские власти?

– Да. К тому же я намерен разгадать эту тайну как можно быстрее. Но разумеется, я рассчитываю на вашу помощь и сотрудничество, отец аббат.

Аббат вновь развел руками:

– Я готов сделать все, что в моих силах. Но, откровенно говоря, я не представляю, с какой стороны братья за это дело. Задача кажется мне непосильной – по крайней мере, для одного человека. В особенности если убийца прибыл из города, в чем я не сомневаюсь.

– Но на чем зиждется ваша уверенность? Мне уже сообщили, что в ночь убийства привратник видел господина Синглтона. И эмиссар сообщил ему, что собирается встретиться с кем-то из монахов. Кроме того, откуда посторонний мог взять ключ от монастырской кухни?

Аббат нагнулся вперед, пожирая меня глазами.

– Сэр, это дом Господа нашего, и дело его обитателей – служить Христу, – с пылом произнес он, благоговейно склонив голову при упоминании имени Спасителя. – Наш монастырь стоит вот уже четыре столетия, и никогда в нем не совершалось злодеяния, подобного этому. Но мир за его стенами погряз в грехе и разврате. Несомненно, какой-нибудь безумец или, скорее, мерзостный колдун мог проникнуть в пределы святой обители, намереваясь осквернить ее. Именно об этом говорит совершенное в алтаре святотатство. Полагаю, эмиссар Синглтон столкнулся со злоумышленником или, возможно, с несколькими злоумышленниками, направляясь к месту встречи с кем-то из монахов. Что до ключа от кухни, он был у самого эмиссара. Не далее как в день накануне своей смерти он потребовал ключ у приора Мортимуса.

– Понятно. А у вас есть какие-нибудь соображения по поводу того, с кем эмиссар Синглтон намеревался встретиться?

– Увы, нет. Об этом знал лишь убитый... И конечно, тот, второй. Сэр, я не берусь судить о нравах местных жителей, но в том, что в городе полно мошенников, можно не сомневаться. Добрая половина горожан промышляет контрабан-

дой – провозит шерсть во Францию.

– Завтра, когда я встречу с мировым судьей, господином Копингером, я непременно поставлю его в известность.

– Вы собираетесь привлечь к расследованию... мирового судью?

Аббат слегка прищурил глаза. Это известие явно не доставило ему удовольствия.

– Лишь его одного, и никого больше. Скажите, а сколько лет вы уже служите здесь аббатом?

– Четырнадцать. И все четырнадцать протекли в мире и спокойствии. До того как...

– Но два года назад у вас возникли затруднения, – перебил я аббата. – Во время ревизии были выявлены кое-какие неблагоприятные обстоятельства.

Щеки аббата вновь залились краской.

– Да. Признаюсь, тогда в монастыре было обнаружено гнездо порока. Бывший приор не оправдал оказанного ему доверия. Втайне он предавался разврату. Что ж, искушения подстерегают человека даже в святой обители.

– Значит, ваш бывший приор предавался разврату и беззаконию.

– Но как только правда вышла наружу, его незамедлительно удалили из монастыря. И разумеется, лишили духовного сана. Приор – второй человек в обители после меня, именно на нем лежит ответственность за благоденствие и достойное поведение монахов. Наш бывший приор сумел ввести меня

в заблуждение. Он хитро скрывал свои темные дела. Но теперь приор Мортимус навел в монастыре порядок. Этого не отрицал даже эмиссар Синглтон.

Я кивнул:

– Если я не ошибаюсь, в вашем монастыре работают шестьдесят служек?

– Да. Вы видели сами, у нас здесь большое хозяйство и множество зданий.

– А монахов сейчас всего тридцать?

– Сэр, я никогда не поверю, что кто-нибудь из моих служек, не говоря уже о монахах, всей душой преданных Христу, мог совершить столь отвратительное деяние, – отчеканил аббат.

– Увы, господин аббат, подозрение лежит на всех обитателях монастыря. Не будем забывать о том, что эмиссар Синглтон прибыл сюда с твердым намерением добиться добровольного упразднения монастыря. И несмотря на то что его величество великодушно предоставляет монахам денежное содержание, не сомневаюсь – многие из них не имели ни малейшего желания расставаться со столь процветающей обителью.

– Монахи не имели понятия о цели приезда эмиссара Синглтона. Они знали лишь, что он является посланником главного правителя. Приор Мортимус сообщил братии, что эмиссар прибыл, дабы разрешить проблему, связанную с правом собственности на одно из наших имений. Таково бы-

ло требование самого господина Синглтона. Об истинной цели его визита знали лишь мои приближенные, старшие монахи.

– Кто именно?

– Разумеется, приор Мортимус, а также брат Габриель, ризничий, брат Эдвиг, казначей, и брат Гай, лекарь. Все они провели в нашем монастыре много лет – за исключением брата Гая, который поступил к нам в прошлом году. После убийства по монастырю поползли различные слухи о том, зачем к нам приезжал эмиссар. Но на все расспросы я по-прежнему отвечаю, что его интересовал лишь статус одного из наших земельных владений.

– Вы поступаете чрезвычайно разумно, отец аббат. Именно этой версии мы и будем придерживаться впредь. Хотя, не скрою, нам с вами предстоит вернуться к вопросу о добровольном упразднении монастыря.

Несколько секунд аббат хранил молчание, а потом заговорил, тщательно подбирая слова:

– Сэр, даже теперь, в этих ужасных обстоятельствах, я продолжаю настаивать на своих правах. В Указе, предписывающем роспуск малых монастырей, особо оговаривается, что крупные обители содержатся в полном порядке. Не существует никаких законных оснований для уничтожения нашего монастыря. Если бы мы отступили от последних предписаний, это могло бы послужить поводом для роспуска. Но мы в точности выполняем все правила. Не знаю, какие при-

чины заставляют главного правителя столь настойчиво желать уничтожения нашей обители. Мне доводилось слышать о том, что от других монастырей также потребовали добровольного согласия на роспуск. Но я могу повторить вам лишь то, что много раз повторял господину Синглтону: я никогда не дам этого согласия и в случае упорного давления прибегну к защите, которую мне предоставляет закон.

Завершив свою речь, аббат откинулся на спинку стула. На щеках его горели багровые пятна, губы были упрямо поджаты, а в глазах светилась решимость.

– Я вижу, вы являетесь глубоким знатоком законов, – изрек я.

– Я изучал законы в Кембридже много лет назад. Сэр, вы правовед и, следовательно, прекрасно понимаете, что неукоснительное соблюдение законов – основа нашего общества.

– Вы совершенно правы, господин аббат. Но законы меняются. За указом, на который вы ссылались, могут последовать другие.

Аббат молча смотрел на меня, однако на его лице не дрогнул ни один мускул. Он не хуже моего знал о том, что в стране, охваченной волнениями и недовольством, вряд ли выйдут новые указы, предписывающие роспуск монастырей.

– А теперь, господин аббат, я буду очень признателен, если вы позволите мне осмотреть тело бедного Синглтона, – нарушил я напряженное молчание. – После этого его можно

будет предать земле. Мне хотелось бы также, чтобы кто-нибудь из монахов показал мне монастырь. Но возможно, это лучше сделать завтра. Сейчас уже слишком темно.

– Разумеется, завтра вы сможете осмотреть все монастырские здания. Что касается тела, оно находится на попечении брата лекаря, в помещении, которое мы сочли наиболее подходящим и безопасным. Позвольте мне еще раз повторить: я готов приложить все усилия, чтобы содействовать вам в выполнении вашей задачи. Хотя, не скрою, раскрытие свершившегося злодеяния представляется мне невозможным.

– Я очень благодарен вам за помощь и понимание, господин аббат.

– Для вас и вашего спутника уже приготовлены гостевые комнаты. Они расположены здесь же, на втором этаже.

– Благодарю вас. Но я бы предпочел поселиться поближе к месту, где совершилось преступление. Скажите, в вашем лазарете тоже есть гостевые комнаты?

– Да, но я полагаю, посланнику короля более пристало остановиться в одном доме с аббатом...

– Мне будет удобнее расположиться в лазарете, – сказал я тоном, не терпящим возражений. – А еще мне необходим полный комплект ключей от всех монастырских помещений.

– Вы представляете себе, о каком количестве ключей идет речь? – с недоверчивой улыбкой осведомился аббат. – В нашем монастыре великое множество дверей.

– Я в этом не сомневаюсь. И все же мне необходим полный

комплект ключей.

– Существует всего три таких комплекта. Один находится у меня. Два других – у приора и у привратника. Мы постоянно ими пользуемся.

– Повторяю, господин аббат, мне необходим комплект ключей. Причем я надеюсь получить его в самом ближайшем будущем.

С этими словами я поднялся. Затеکشую спину мою пронзила резкая боль, так что я едва удержался от стога. Я двинулся к дверям, Марк последовал за мной. Аббат Фабиан, явно пребывавший в замешательстве, тоже поднялся со своего кресла и принялся расправлять складки сутаны.

– Я распоряжусь, чтобы вас проводили к брату лекарю, – сказал он.

Мы вышли в коридор. Аббат, поклонившись, торопливо удалился. Я же дал своему лицу отдохнуть от самоуверенного и высокомерного выражения, в котором больше не было нужды.

– Как вы думаете, даст он нам ключи? – спросил Марк.

– Полагаю, даст. Он трепещет перед Кромвелем. Богом клянусь, этот человек хорошо понимает, что ему выгодно, а что нет. Как сказал Гудхэпс, он вышел из низов. И конечно, ему до смерти не хочется расставаться с таким тепленьким местечком, как этот монастырь.

– Судя по правильной речи, он получил хорошее образование.

– Правильную речь можно выработать. Многие люди затрачивают на это бездну усилий. По речи лорда Кромвеля никак не скажешь, что он родился в Путни. И уж если на то пошло, по твоему произношению трудно догадаться, что ты провел детство на ферме.

– А вы заметили, как ему не понравилось, когда вы отказались остановиться в его доме?

– Еще бы. Старина Гудхэпс тоже будет расстроен. Но, увы, придется им с этим смириться – я совершенно не хочу все время находиться на виду у аббата. К тому же нам с тобой следует быть в самом центре событий.

Через несколько минут появился приор Мортимус с огромной связкой ключей в руках. Ключей было никак не меньше тридцати, и некоторые, громадные, покрытые затейливой резьбой, несомненно, были сделаны столетия назад. Растянув губы в фальшивой улыбке, приор вручил мне связку.

– Умоляю вас, сэра, обращайтесь с ними бережно. В нашем монастыре есть лишь один запасной комплект ключей.

Я передал связку Марку:

– Изрядная тяжесть. Носить их придется тебе. Так, значит, это запасной комплект?

Приор предпочел не расслышать моего вопроса.

– Аббат попросил меня отвести вас в лазарет, – сообщил он. – Брат Гай ожидает вас.

Вслед за ним мы вышли из особняка аббата, вновь прошли мимо монастырских строений, двери которых теперь были закрыты. Ночь выдалась безлунная и на редкость холодная. Усталость делала меня особенно уязвимым перед холодом, и дрожь пробирала до костей. Мы миновали церковь, откуда доносилось пение хора. То было стройное, благозвучное многоголосие, сопровождаемое музыкой органа. В Личфилде я не слышал ничего подобного.

– Кто исполняет у вас должность регента? – поинтересовался я.

– Брат Габриель, ризничий. У него большие способности к музыке. Брат Габриель наделен многочисленными талантами.

В голосе приора мне послышались насмешливые нотки.

– Мне кажется, время уже слишком позднее для вечерни?

– Да, сегодня мы немного припозднились. Но вчера был День всех усопших, и братья все это время провели в церкви.

Я осуждающе покачал головой:

– Насколько я замечаю, все монастыри следуют своему собственному распорядку, удобному для монахов, но весьма отличному от того, что заповедовал святой Бенедикт.

– Да, лорд Кромвель совершенно прав, настаивая на том, что монахов следует держать в строгости и не позволять им отступлений от устава, – согласно кивнул приор. – Я делаю все, что в моих силах, чтобы соблюдать предписанный распорядок и избегать серьезных отклонений.

Миновав помещения для монахов, мы вошли в ухоженный садик, уже виденный мною раньше. Садик примыкал к лазарету, который оказался гораздо больше, чем я предполагал. Приор повернул железное кольцо на тяжелой двери, и мы вошли в дом вслед за ним.

Мы оказались в длинной комнате, вдоль стен которой тянулись два ряда кроватей, по большей части пустовавших. Это сразу навело меня на мысль о том, сколь значительно сократилось число монахов-бенедиктинцев в последнее время; несомненно, в пору перед Великой Чумой, когда строился этот лазарет, их было намного больше. Лишь на трех кроватях лежали больные в ночных рубашках, все трое – старики. Один из них, толстый краснощекий монах, с аппетитом поглощал сушеные фрукты; он встретил нас любопытным взглядом. Второй даже не повернул головы в нашу сторону. Приглядевшись к нему получше, я понял, что он слеп: глаза его закрывали мутные бельма. Третьим был глубокий старик с изборожденным морщинами лицом. Он что-то беспрестанно бормотал, как видно, в бреду. Над ним возвышалась фигура в белом чепце и длинном синем одеянии. Я с удивлением увидел, что это женщина. Она осторожно вытирала пот со лба больного.

В дальнем конце комнаты, перед маленьким алтарем, стоял стол, и за ним примерно с полдюжины монахов с азартом играли в карты. Руки у всех были перевязаны бинтами, на которых виднелись свежие следы крови. Заметив нас, они

принялись настороженно переглядываться. Женщина, ухаживавшая за больным стариком, повернулась, и я увидел, что она молода, лет двадцати с небольшим. Она была высока и прекрасно сложена, и хотя лицо ее, с высокими скулами и несколько резкими чертами, нельзя было назвать красивым, оно неодолимо притягивало взгляд. Не сводя с нас своих умных голубых глаз, она торопливо пересекла комнату и, лишь приблизившись, смиренно опустила взор.

– Это новый эмиссар короля. Он желает увидеть брата Гая, – властным тоном сообщил приор. – Он и его спутник останутся здесь, в лазарете, так что приготовьте для них комнаты.

Я ощутил, как между ним и девушкой пробежала искра неприязни. Однако она склонила голову и произнесла:

– Да, брат.

После этого она повернулась, прошла между кроватями и исчезла в маленькой двери за алтарем. Ее уверенные, исполненные достоинства манеры ничуть не походили на угодливую суетливость, свойственную большинству служанок.

– Женщина в мужской обители – это недопустимое нарушение правил, – сурово изрек я.

– Подобно многим монастырям, мы имеем разрешение пользоваться услугами женщин в лазарете, – пояснил приор. – Для ухода за больными необходимы нежные женские руки. Впрочем, я не думаю, что руки этой дерзкой девицы отличаются особой нежностью. Несомненно, она чересчур

задирает нос, а брат лекарь излишне к ней снисходителен.

– Брат Гай?

– Да, брат Гай из Молтона – что, как вы сами увидите, вовсе не означает, что он родился в Молтоне.

Тут вернулась девушка.

– Я провожу вас в кабинет брата Гая, господи, – сказала она.

В голосе ее, мягком и приглушенном, ощущался местный акцент.

– С вашего позволения, я вас оставлю.

Приор поклонился и вышел.

Судя по восхищенному взгляду, которым девушка окинула Марка, она оценила его костюм. Собираясь в путь, юный щеголь вырядился во все самое лучшее: из-под его отороченного мехом плаща выглядывал голубой бархатный камзол, надетый на желтую шелковую рубашку, и всю эту роскошь удачно дополняли новехонькие башмаки. Налюбовавшись нарядом Марка, девушка перевела взгляд на его лицо; женщины частенько заглядывались на моего милостивого подопечного, но выражение лица этой девушки удивило меня: во взгляде ее, несомненно, мелькнула грусть. Марк, которому столь пристальное внимание явно польстило, расплылся в самодовольной улыбке, и щеки девушки вспыхнули румянцем.

– Пожалуйста, проводите нас, – сказал я, решив положить конец их переглядываниям.

Вслед за девушкой мы оказались в узком темном коридоре, по обеим сторонам которого виднелись двери. Одна из них была открыта, и, заглянув в нее, я увидел еще одного старого монаха, сидевшего на постели.

– Это ты, Элис? – ворчливо спросил он, когда мы проходили мимо.

– Да, брат Пол, – мягко откликнулась девушка. – Через несколько минут я подойду к вам.

– Меня снова донимает озноб.

– Я принесу вам подогретого вина.

Это обещание заставило старика улыбнуться. Девушка остановилась перед одной из дверей.

– Вот здесь находится кабинет брата Гая, господа.

В темноте я нечаянно задел ногой за каменный сосуд, стоявший у дверей. К моему удивлению, он оказался теплым, и я наклонился, дабы получше рассмотреть, что это такое. Вдоль стены стояло несколько кувшинов, наполненных густой темной жидкостью. Я принял, потом быстро выпрямился и устремил на девушку недоумевающий взгляд.

– Что это?

– Кровь, сэр. Всего лишь кровь. Брат лекарь недавно сделал монахам зимнее кровопускание. Мы сохраняем кровь, она помогает лучше расти кустам и деревьям.

– Я никогда не слышал ни о чем подобном. И насколько мне известно, монахам, даже исправляющим должность лекаря, запрещено каким бы то ни было образом проливать

кровь. Даже если кому-то из братии понадобится кровопускание, для этой цели следует приглашать хирурга или цирюльника.

– Но, сэр, брат Гай – чрезвычайно умелый и опытный лекарь. Он говорит, в тех местах, откуда он родом, кровь всегда сохраняют для различных нужд. Он просил вас подождать несколько минут, пока он сделает кровопускание брату Тимоти.

– Хорошо. Благодарю. Вас зовут Элис?

– Элис Фьютерер, с вашего позволения, сэр.

– Передайте брату Гаю, что мы подождем, Элис. Мы вовсе не хотим, чтобы из-за нас он оставил своего пациента и тот истек кровью.

Она поклонилась и удалилась, стуча деревянными подошвами башмаков по каменным плиткам пола.

– Эта молодая особа недурна собой, – со знанием дела заявил Марк.

– Да, весьма. Странно, что такая девушка находится здесь, в монастыре. Кстати, твой бархатный камзол произвел на нее сильное впечатление. Думаю, именно на это ты и рассчитывал, надевая его в дорогу.

– Терпеть не могу кровопусканий, – сказал Марк, явно желая сменить тему. – Как-то раз мне пустили кровь, так после этого я целую неделю был слаб, как котенок. Но говорят, это очень полезно для здоровья. Благодаря кровопусканию все жизненные соки человека приходят в равновесие.

– По-моему, все это досужие выдумки врачей. Если Бог наделил меня склонностью к черной меланхолии, вряд ли кровопускание способно разогнать ее. Давай-ка лучше посмотрим, что у нас здесь за ключи.

Марк отцепил от пояса кольцо с ключами, и я принялся разглядывать их в тусклом свете настенного светильника, пока не разобрал надпись «Лаз.», нацарапанную на одном из них. Не мешкая, я вставил ключ в замочную скважину, повернул, и дверь тотчас распахнулась.

– Но, сэр, может быть, нам все же лучше подождать врача? – предложил смущенный Марк.

– У нас нет времени на то, чтобы соблюдать правила хорошего тона, – отрезал я и снял со стены светильник. – Нельзя упускать возможность узнать что-нибудь о человеке, который обнаружил тело.

Я решительно переступил через порог и оказался в маленькой, очень чистой комнатке с белеными стенами. В воздухе витал крепкий запах лекарств, около стены стояла кушетка для осмотра больных, покрытая чистой белой тканью. С крюков, вбитых в потолок, свисали связки лечебных трав и хирургические инструменты. На одной из стен я заметил астрологическую карту, на другой – массивное распятие в испанском стиле: темный деревянный крест, алебастровое тело Христа и ярко-красная кровь, стекающая из пяти ран. У окна на большом письменном столе аккуратными стопками лежали бумаги, прижатые разноцветными камнями. Пробежав

глазами записи, я убедился, что все это – истории болезней и предписания, составленные по-английски и по-латыни.

Потом я внимательно осмотрел снабженные латинскими ярлыками склянки и бутылки, во множестве стоявшие на полках. Сняв крышку с одной из больших банок, я обнаружил там пиявок. Мерзостные создания, потревоженные непривычно ярким светом, принялись судорожно извиваться. В остальных сосудах были снадобья, необходимые каждому лекарю: сушеные ноготки, помогающие от лихорадки, уксус от глубоких порезов, толченые мышьиные кости, облегчающие боль в ухе.

На самой верхней полке стояло три книги. Две из них, сочинения Галена и Парацельса, были отпечатаны на французском. Третья, в богатом кожаном переплете, оказалась рукописной. Остроконечные буквы были украшены многочисленными завитушками, и, сколько я ни вглядывался, мне не удалось определить язык неизвестного автора.

– Подойди-ка сюда, Марк.

Марк взглянул на книгу через мое плечо.

– Какой-то средневековый шифр?

– Сам не знаю.

Я все время ждал, не послышатся ли в коридоре шаги, однако все было тихо. Вежливый кашель, внезапно раздавшийся за моей спиной, заставил меня вздрогнуть.

– Прошу вас, сэр, будьте осторожны с этой книгой, – произнес звучный голос с сильным, но незнакомым мне акцен-

том. – Для меня она обладает особой ценностью. Это древняя арабская книга, и, уверяю вас, она не входит в изданный королем список запрещенных.

Мы с Марком одновременно обернулись. Перед нами стоял высокий монах лет пятидесяти, с худым, аскетичным лицом. Глубоко посаженные глаза смотрели на нас холодно и невозмутимо. К немалому моему удивлению, лицо его было темно-коричневым, словно мореный дуб. В Лондоне я порой встречал темнокожих людей, главным образом в порту, но говорить с подобным диковинным созданием мне не доводилось ни разу.

– Я был бы вам очень признателен, если бы вы отдали мне книгу, – произнес он мягким и вкрадчивым, но в то же время уверенным голосом. – В свое время ее подарил моему отцу последний эмир Гранады.

Я вручил удивительному монаху драгоценный том, и тот поклонился в знак благодарности.

– Насколько я понимаю, вы господин Шардлейк и господин Поэр? – осведомился он.

– Именно так. А вы брат Гай из Молтона?

– К вашим услугам. У вас есть ключ от моего кабинета? Обычно в мое отсутствие сюда заходит лишь Элис, моя помощница. В комнату, где находятся целебные травы и снадобья, нельзя допускать посторонних. Вы сами понимаете, вещество, которое в малых дозах является лекарством, в больших превращается в яд.

Он многозначительно обвел глазами полки. Я почувствовал, что краснею, как школьник.

– Мы были очень осторожны, брат, – заверил я. – И не тронули ни одной из ваших склянок.

– Очень вам признателен, – с поклоном изрек лекарь. – Какую помощь я могу оказать посланнику его величества?

– Вы хотим остановиться в лазарете. У вас есть комнаты для гостей?

– Конечно. Элис как раз готовит комнату. Но весь коридор здесь забит больными монахами. Они часто требуют внимания ночью, и это может вас беспокоить. Большинство гостей предпочитают дом аббата.

– Лучше мы останемся здесь.

– Разумеется. Но возможно, я могу оказать вам еще какое-нибудь содействие?

Тон монаха-лекаря был исполнен глубокого почтения, но почему-то, разговаривая с ним, я чувствовал себя невежественным пациентом, который не в состоянии перечислить признаки мучающего его недуга. Несмотря на свою странную наружность, этот человек внушал мне нечто вроде благоговейного трепета.

– Мне сообщили, что вы заботитесь о сохранении тела убитого эмиссара?

– Да, это так. Оно находится на мирском кладбище, в одном из склепов.

– Нам бы хотелось осмотреть его.

– Это можно сделать в любое время. Но вероятно, сначала вы пожелаете умыться и отдохнуть после долгого пути. Я так полагаю, ужинать вы будете у аббата?

– Нет, я думаю, нам будет удобнее принимать пищу вместе со всеми монахами, в трапезной. Но вы правы, прежде всего нам необходимо отдохнуть хотя бы час. Скажите, брат, – добавил я, вспомнив диковинную книгу, – по рождению вы мавр?

– Я родился в Малаге, – с неспешным достоинством сообщил монах. – Теперь она принадлежит Кастилии, но в год моего рождения еще являлась частью Гранадского эмирата. Когда Гранада в тысяча четыреста девяносто втором году вошла в состав Испании, мои родители приняли христианство, но жизнь их от этого не стала легче. Вскоре мы перебрались во Францию и обосновались в Лувене, городе, где проживали представители различных народов. Разумеется, родным языком моих родителей был арабский.

Пока брат Гай говорил, на губах его играла легкая улыбка, но угольно-черные глаза смотрели пронзительно и жестко.

– Значит, вы изучали медицину в Лувене?

– Да, именно там.

Я был поражен, так как знал, что тамошний университет относится к числу наиболее престижных в Европе.

– Человек, получивший столь блестящее образование, мог бы служить при дворе короля или знатного вельможи, а не в отдаленном монастыре, – заметил я.

– Вы правы. Однако, будучи испанским мавром, я постоянно сталкивался с различными затруднениями. В течение нескольких лет я перескакивал с места на место, подобно теннисному мячу, который так ловко гоняет ваш король Генрих. – На губах его вновь мелькнула улыбка. – Я кочевал и по Франции, и по Англии. Дольше всего, на целых пять лет, я задержался в городке Молтон, что находится в Йоркшире. Поэтому, прибыв сюда два года назад, я назвался Гаем из Молтона. И если слухи, которые ходят по монастырю, соответствуют истине, вскоре мне вновь предстоит отправиться в путь.

Я вспомнил, что брат Гай относится к числу немногих избранных, которым была известна истинная цель приезда Синглтона. Должно быть, мысль эта отразилась в моих глазах, потому что монах утвердительно кивнул.

– Не буду больше утомлять вас своим рассказом, – сказал он. – Идемте, я провожу вас в комнату для гостей, а через час зайду и отведу вас в склеп, где хранится тело эмирисара Синглтона. Прах несчастного ждет христианского погребения, – произнес он с глубоким вздохом и осенил себя крестом. – Душе убиенного, который перед кончиной не имел возможности исповедоваться и причаститься Святых Тайн, трудно обрести покой. Будем же молить Господа, чтобы подобная участь нас миновала.

Глава 7

Комната, которую нам предоставили в лазарете, оказалась небольшой, но удобной и уютной. Стены ее были обшиты деревянными панелями, пол покрывали свежие тростниковые циновки. В очаге, перед которым стояли кресла, весело горел огонь. Когда брат Гай привел нас в комнату, мы застали там Элис – она как раз выкладывала чистые полотенца рядом с кувшином теплой воды. В жарко натопленной комнате лицо и обнаженные руки девушки порозовели.

– Я подумала, господа, что вам захочется умыться с дороги, – произнесла она, почтительно потупившись.

– Это именно то, в чем мы сейчас нуждаемся более всего, – откликнулся я, улыбаясь и пытаясь поймать ускользающий взгляд девушки.

– Я прежде всего нуждаюсь в чем-нибудь, что помогло бы мне согреться, – с ухмылкой сообщил Марк.

Элис еще ниже опустила голову, а брат Гай бросил на Марка строгий взгляд.

– Спасибо, Элис, – кивнул монах. – Ты можешь идти.

Девушка поклонилась и выскользнула за дверь.

– Надеюсь, здесь есть все, что вам понадобится, – сказал брат Гай, обводя комнату глазами. – Я сообщу аббату, что вы будете ужинать в трапезной.

– Прекрасная комната, – заверил я. – Мы очень призна-

тельно вам за ваши заботы, брат.

– Если вам что-нибудь потребуется, обратитесь к Элис, – произнес монах и вновь сурово посмотрел на Марка. – Но прошу вас, не забывайте о том, что у нее много хлопот по уходу за больными и престарелыми монахами. Она единственная женщина в монастыре, за исключением нескольких старух, что помогают на кухне. И она находится под моим покровительством и защитой.

Марк вспыхнул, а я поклонился монаху-лекарю и почтительно сказал:

– Мы примем это к сведению, брат.

– Благодарю вас, господин Шардлейк. А теперь, если не возражаете, я вас оставлю.

– Заплесневелый извращенец, – проворчал Марк, когда дверь за монахом закрылась. – Надо же, на его драгоценную Элис даже взглянуть нельзя! А ей, между прочим, это было очень даже приятно.

– Он несет за девушку ответственность, – отрезал я. – И не желает, чтобы всякие легкомысленные юнцы приводили ее в смущение.

Марк, не слушая меня, сокрушенно рассматривал единственную кровать. То было старинное двухъярусное сооружение, где под широкой постелью хозяина находится выдвигаемое на колесиках деревянное ложе для слуги. Марк незамедлительно выдвинул его, угрюмо ощупал тонкий соломенный тюфячок, а потом сбросил плащ и уселся, вытянув ноги.

Я тем временем склонился над тазом и принялся с наслаждением плескать в лицо теплой водой. Откровенно говоря, я чувствовал себя до крайности усталым; перед глазами у меня кружились новые лица, которые мне довелось увидеть за последние несколько часов.

– Слава Богу, мы наконец одни, – простонал я, опускаясь в кресло. – Клянусь ранами Спасителя нашего, я смертельно устал.

Марк обеспокоенно взглянул на меня:

– У вас опять разболелась спина, сэр?

– Надеюсь, завтра мне станет лучше.

– Вы уверены? – не успокаивался Марк. – Здесь есть салфетки, мы можем сделать вам припарки... Я отлично с этим справлюсь...

– Не надо никаких припарок! – рявкнул я. – Сказано тебе, завтра мне станет лучше.

Я терпеть не могу, когда кто-нибудь смотрит на мою безобразную спину. Только перед своим доктором я предстаю обнаженным, да и то лишь в тех случаях, когда боль начинает чересчур мне досажать. При одной мысли, что Марк увидит мой горб, по коже у меня пробежали мурашки. Уж верно, зрелище этот пробудит в нем не только жалость, но и отвращение, ибо отвращение ко всякого рода уродствам присуще человеческой природе. Чтобы прекратить разговор о собственном нездоровье, я решительно встал, подошел к окну и уставился в темноту. Через несколько секунд я обер-

нулся. Марк по-прежнему глядел на меня с выражением тревоги и незаслуженной обиды.

Я извиняющимся жестом вскинул руку:

– Прости, Марк. Я напрасно на тебя накричал.

– Я не хотел вас обидеть.

– Я это знаю. Просто я жутко устал, и, откровенно говоря, на душе у меня скребут кошки.

– Но почему?

– Лорд Кромвель рассчитывает, что я в самом скором времени представлю ему результаты расследования. А я отнюдь не уверен, что сумею быстро распутать это дело. Отправляясь сюда, я надеялся... сам не знаю на что. Представлял, что среди монахов отыщется одержимый фанатик, которого к нашему приезду уже заключат под стражу. Или, по крайней мере, мы сразу обнаружим неопровержимые улики, позволяющие выявить злоумышленника. Но ты сам видишь, все не так просто. Полагаться на помощь Гудхэпса не приходится – бедняга так напуган, что шарахается от собственной тени. Что касается аббата и старших монахов, то все они очень и очень себе на уме. Все, что мы имеем, – это безумный картезианец, который во всеуслышание рассуждает о постигшей убитого Божьей каре. Да еще разговоры о неких городских колдунах и магах, якобы ночью вломившихся в монастырь, похитивших мощи для своих темных целей и заодно прикончивших Синглтона. Господи Иисусе, я не представляю, с какого конца братья за этот клубок! А аббат – крепкий

орешек и большой дока по части законов. Я прекрасно понимаю, почему Синглтон не сумел взять его на испуг.

– Так или иначе, сэр, вы сделаете все, что в ваших силах.

– Увы, лорду Кромвелю важен результат, а не затраченные мною усилия, – вздохнул я и, растянувшись на кровати, уставился в потолок.

Обычно, принимаясь за новое дело, я испытываю приятное воодушевление, но сейчас мною овладела полная растерянность. Мне никак не удавалось найти нить, которая проведет меня сквозь запутанный лабиринт.

– Этот монастырь – довольно мрачное местечко, – заметил Марк. – Все эти длинные темные коридоры, в которых полно глубоких ниш и арок. Есть где притаиться убийце.

– Да, я еще по школьным годам помню, какими бесконечными и страшными казались мне монастырские коридоры. Бывало, бежишь с поручением и не знаешь, в какую дверь толкнуться. – Я покачал головой, отгоняя тягостные воспоминания, и произнес нарочито бодрым тоном: – Но сейчас я вовсе не школьник на побегушках. Я – посланник короля, и мои полномочия открывают мне доступ ко всем монастырским секретам. Это самый обычный монастырь, и завтра, когда мы здесь осмотримся, он уже не будет казаться нам пугающим и загадочным.

Ровное дыхание Марка подсказало мне, что мой юный товарищ спит. Я снисходительно улыбнулся, смежил усталые веки и, как мне показалось, уже в следующее мгновение

услышал громкий стук в дверь и голос проснувшегося Марка. Я встал с постели, к собственному удивлению обнаружив, что короткий сон освежил меня и придал мне сил. Распахнув дверь, я увидел на пороге брата Гая со свечой в руке. Колеблющееся пламя отбрасывало причудливые тени на его встревоженное лицо с серьезными глазами.

– Вы готовы осматривать тело, сэр?

– Я всегда готов к выполнению своих обязанностей, – ответил я и потянулся за плащом.

В холле лазарета Элис вручила брату Гаю масляную лампу. Он набросил поверх рясы теплую накидку и повел нас по мрачному длинному коридору с высокими сводчатыми потолками.

– Это самый короткий путь через монастырский двор, – пояснил он, распахивая дверь на улицу.

С трех сторон замкнутый двор был окружен зданиями, в которых жили монахи, а на четвертой стояла церковь. Сейчас, освещенный мягким светом, льющимся из множества окон, двор, к моему удивлению, являл собой отрадную и приятную глазу картину.

Вокруг двора тянулась крытая галерея, поддерживаемая резными колоннами. Много лет назад монахи, скорее всего, предавались здесь изучению богословия; в прежние суровые времена считалось, что холод и ледяной ветер никак не могут помешать научным занятиям. Но ныне галерея слу-

жила лишь местом бесед и прогулок. Напротив одной из колонн находился специальный каменный сосуд для мытья рук, с маленьким фонтанчиком, издающим негромкое мелодичное журчание. Витражные окна церкви отбрасывали на землю разноцветные тени. В отблесках света я заметил какие-то странные пылинки, кружившиеся в воздухе, и некоторое время с недоумением наблюдал за ними. Наконец до меня дошло, что это вновь пошел снег. Земля у нас под ногами была уже вся припорошена белым. Брат Гай сделал нам знак следовать за ним.

– Мне сказали, это вы обнаружили тело? – спросил я.

– Да. В ту ночь мы с Элис не спали, ухаживали за братом Августом. У него сильнейшая лихорадка, и он чувствовал себя прескверно. Я решил дать ему теплого молока и спустился в кухню.

– Насколько я понимаю, обычно дверь в кухню запирается на ночь?

– В обязательном порядке. Иначе служки, да и некоторые монахи тоже, будут постоянно туда наведываться, стремясь до отказа набить свои утробы. Но у меня есть ключ, так как порой мне необходимо брать кое-что для больных.

– Вы отправились в кухню около пяти часов утра?

– Да, незадолго до этого часы пробили пять.

– Заутреня уже началась?

– Нет, заутреня у нас начинается позднее. Где-то около шести.

– Вот как? А согласно правилам, предписанным святым Бенедиктом, она должна начинаться в полночь.

– Святой Бенедикт составлял свои правила для благословенной теплой Италии, сэр, – с мягкой улыбкой возразил монах. – Думаю, нет большого греха в том, чтобы студеной английской зимой соблюдать их не столь уж неукоснительно. Каждое утро мы справляем службу, и Господь внимает святым словам, а время не имеет большого значения. Сейчас нам придется пройти через дом для собраний.

Брат Гай распахнул еще одну дверь, и мы оказались в просторном помещении, стены которого были расписаны библейскими сюжетами. Вдоль стен стояли стулья и мягкие кресла, неподалеку от очага, в котором весело потрескивал огонь, тянулся длинный стол. В комнате было очень тепло, воздух казался густым от запаха потных человеческих тел. Около дюжины монахов коротало здесь время в этот холодный зимний вечер; некоторые разговаривали, другие читали, несколько человек сидели у стола, играя в карты. На столе красовалась объемистая бутылка с зеленым французским ликером, а рядом с каждым из игроков стоял хрустальный стакан, наполненный этим напитком. Я осмотрелся вокруг, выискивая картезианца, однако нигде не заметил его белой рясы. Лохматый содомит брат Габриель и востроглазый упитанный казначей также отсутствовали.

Молодой монах со впалыми щеками и жидкой бородкой, судя по расстроенному выражению лица, только что проиг-

рал.

– С тебя причитается шиллинг, брат, – жизнерадостно провозгласил высокий монах с мертвенно-бледным лицом.

– Тебе придется подождать. Я попрошу в долг у управляющего, – пробормотал неудачник.

– Ты больше не получишь ни гроша, брат Ателстан! – воскликнул пожилой плотный монах, сидевший поблизости, и назидательно поднял палец. Лицо его было обезображено крупной бородавчатой опухолью. – Брат Эдвиг говорит, ты так много берешь в долг, что уже получил содержание за год вперед...

Заметив нас, монах осекся. Его товарищи поспешно вскочили со своих мест и приветствовали меня поклонами. Один из них, молодой и такой тучный, что даже бритый его затылок был покрыт складками жира, уронил свой стакан.

– Септимус, ну ты и увалень! – прошипел его сосед, пихая беднягу локтем в бок.

Тот лишь озирался по сторонам бессмысленным взором слабоумного. Монах с обезображенным лицом сделал шаг вперед и вновь поклонился с самым подобострастным видом.

– Я – брат Джуд, сэр, помощник казначея.

– Господин Мэтью Шардлейк, посланник короля. Я смотрю, вы не отказываете себе в мирских развлечениях.

– Братии необходимо отдохнуть перед вечерней мессой, сэр. Не соблаговолите ли попробовать ликера? Его присыла-

ют к нам из одного французского женского монастыря.

Я отрицательно покачал головой и сурово проронил:

– Сегодня мне предстоит еще много работать. Кстати сказать, в пору расцвета вашего ордена монахи завершали свой день великим молчанием, а не стаканчиком ликера.

Брат Джуд растерянно потупился, но потом все же отважился возразить:

– Это было давно, сэр, еще до Великой Чумы. С тех пор многое изменилось. Мир приблизился к своему концу и...

– А мне казалось, ныне мир процветает, – перебил я. – По крайней мере, у нас, в Англии, где правит мудрый король Генрих.

– О да, конечно, – окончательно растерялся монах. – Я только хотел сказать...

– Простите брата Джуда, он сказал, не подумав, – вступил в разговор другой монах, высокий и тощий. – Я – брат Хью, управляющий. Мы знаем, что жизнь нашей обители нуждается в серьезных переменах, и приветствуем их, – заявил он, смерив своего незадачливого товарища уничижительным взглядом.

– Рад слышать, – ответил я. – Это существенно облегчит предстоящую мне задачу. Идемте, брат Гай. Нам надо осмотреть труп.

Тут голос подал молодой жирный монах, тот, что уронил стакан.

– Простите, добрый господин, – пробормотал он. – Про-

стите, что я такой неуклюжий. У меня жутко болят ноги. Все сплошь покрыты язвами.

Он устремил на нас взгляд, полный неподдельного страдания. Брат Гай положил руку ему на плечо.

– Если ты будешь соблюдать умеренность в пище, Септимус, тебе вскоре станет легче, – пообещал он. – А сейчас твоим бедным ногам приходится выдерживать слишком большой вес. Вот они и болят.

– У меня слабая плоть, брат Гай. Я не могу без мяса.

– Порой я сожалею о том, что Собор в Латерне снял запрет с употребления мяса в монастырях, – повернулся к нам брат Гай. – Извини, Септимус, нам надо идти. Кстати, тебе, наверное, будет приятно услышать, что тело эмиссара Синглтона будет вскоре предано земле.

– Слава Богу. А то я боюсь проходить мимо мирского кладбища. Покойник, оставшийся без погребения, способен принести много бед. Да ведь и умер он без исповеди, без отпущения грехов...

– Да, да. Тебе тоже пора идти. Скоро начнется вечерняя месса.

Брат Гай легонько подтолкнул толстяка и направился к двери на противоположном конце комнаты. Выйдя вслед за ним, мы вновь оказались на морозном воздухе. Перед нами расстилалось ровное пространство, на котором возвышались лишь надгробные камни. Во тьме угадывались очертания каких-то сооружений, как я догадался, фамильных склепов.

Брат Гай поднял капюшон своей сутаны, чтобы защитить голову от снега, который валил теперь крупными хлопьями.

– Вы должны простить брата Септимуса, сэр, – произнес он. – Как вы уже догадались, это несчастное слабоумное создание.

– Не часто увидишь такую громадную тушу, – усмехнулся Марк. – Неудивительно, что у него болят ноги.

– Монахам приходится по многу часов проводить в холодной церкви, господин Поэр, – отрезал брат Гай. – И толстый жировой покров служит им добрую службу. Все мы подолгу стоим на ногах, и от этого у некоторых возникают язвы. Жизнь в монастыре отнюдь не так легка и приятна, как это может показаться со стороны. А бедный Септимус не в состоянии понять, что обжорство наносит ему страшный вред.

Я поежился от холода и сказал:

– Идемте быстрее. Погода не слишком подходящая, чтобы вести беседы на открытом воздухе.

Высоко держа лампу, брат Гай повел нас меж надгробных камней.

По пути я спросил его, была ли заперта дверь в кухню тем злополучным утром.

– Да, – последовал ответ. – Точнее, была заперта дверь в маленький коридорчик, ведущий в кухню. А сама кухня была открыта, ведь попасть туда другим путем невозможно. Стоило мне войти в кухню, я сразу поскользнулся и едва не упал. Опустил лампу пониже, чтобы осветить пол, и увидел

обезглавленное тело в луже крови.

– Доктор Гудхэпс тоже сказал, что поскользнулся, едва вошел в кухню. Значит, кровь еще не успела засохнуть?

– Да, кровь была еще совсем жидкая, – подтвердил монах.

– Из этого следует, что убийство совершилось незадолго до того, как вы вошли в кухню?

– Судя по всему, это так.

– Однако вы никого не видели ни во дворе, ни в коридорах?

– Ни единой души.

Я с удовольствием убедился в том, что моя отдохнувшая голова работает с прежней четкостью, выстраивая логические цепочки мыслей.

– Кто бы ни убил Синглтона, он, несомненно, сильно испачкался в крови, – заявил я. – Пятна крови наверняка попали на его одежду. И следы он должен был оставлять кровавые.

– Я не видел нигде ни одного кровавого следа, – покачал головой брат Гай. – Но признаюсь честно, я их и не высматривал. В те минуты мне было не до того. А потом, когда поднялся весь монастырь, искать следы было уже поздно. В кухне перебивало множество народу, и они оставили кровавые отпечатки ног повсюду.

Я на несколько мгновений задумался и предположил:

– В то время как вы подняли тревогу, убийца мог скрыться в церкви. Там он осквернил алтарь и похитил мощи. Воз-

можно, вы или кто-нибудь другой заметили кровавые следы, ведущие через внутренний двор к церкви или внутри самой церкви?

– Церковь вся была залита кровью, – напомнил брат Гай. – Кровью принесенного в жертву петуха. Что до внутреннего двора, перед самым рассветом пошел дождь, который продолжался весь день. Если какие-то следы и были, он смыл их все без остатка.

– А что вы сделали после того, как обнаружили тело?

– Побежал к аббату, разумеется. Вот мы и пришли.

Брат Гай подвел нас к самому вместительному склепу, стоявшему на небольшом возвышении. Подобно большинству монастырских зданий, он был возведен из желтого известняка.

Я моргнул, чтобы стряхнуть снег с ресниц.

– Что ж, брат Гай, войдем внутрь, – произнес я самым невозмутимым тоном.

Брат Гай достал ключ и вставил его в замочную скважину массивной дубовой двери, достаточно широкой, чтобы внести внутрь гроб. Я тем временем мысленно молил Господа укрепить мой слабый желудок и не допустить моего позора.

Нам пришлось нагнуться, чтобы войти в беленное известью помещение с низким потолком. В склепе стоял пронизывающий холод, ветер проникал туда сквозь маленькое зарешеченное окошко. В воздухе ощущался легкий тошно-

творный аромат, присущий всем гробницам. В тусклом свете лампы, принесенной братом Гаем, я разглядел, что вдоль стен стоят каменные саркофаги, на крышках которых высечены изображения их обитателей, с руками, сложенными в жесте мольбы и смирения. Большинство мужчин были изображены в воинских доспехах прежних времен.

Брат Гай опустил лампу на пол и спрятал замерзшие руки в длинные рукава сутаны.

– Склеп принадлежит роду Фицхью, – пояснил он. – Именно это семейство несколько веков назад основало наш монастырь. Все представители этого рода захоронены здесь, включая последнего, погибшего в прошлом веке во время гражданской войны. С его смертью род прекратился.

Тишину, царившую в склепе, внезапно нарушил резкий металлический звон. От неожиданности я буквально подскочил на месте, и то же самое проделал брат Гай. Темные глаза его расширились от испуга. Обернувшись, я увидел Марка, который нагнулся за упавшей на пол связкой монастырских ключей.

– Извините, сэра, – смущенно пробормотал он. – Сам не знаю, как это случилось. Мне казалось, я крепко привязал кольцо к поясу.

– Господи Боже! – вздохнул я. – Ну и напугал же ты меня! До сих пор поджилки трясутся.

Посреди комнаты стоял высокий металлический подсвечник с толстыми восковыми свечами. Брат Гай зажег их от

своей лампы, и помещение наполнилось ярким желтым светом. Брат Гай указал на саркофаг, на крышке которого не было ни надписи, ни рисунка.

– У этой могилы никогда не будет постоянного обитателя, – сообщил он. – Как я уже сказал, последний представитель рода Фицхью погиб в Босуорте, сражаясь за короля Ричарда Третьего. *Sic transit gloria mundi*⁴, – добавил он с печальной улыбкой.

– Тело Синглтона находится там? – уточнил я.

– Да, – кивнул брат Гай. – Оно там уже четыре дня, но погода стоит холодная, и это помогло ему сохраниться.

Я глубоко вздохнул и решительно заявил:

– Что ж, откройте крышку. Помогите брату Гаю, Марк.

Марк и монах налегли на массивную каменную крышку, пытаясь сдвинуть ее на соседнее надгробие. Поначалу, несмотря на все их усилия, крышка оставалась на месте, но вдруг с неожиданной легкостью соскользнула в сторону. Комнату мгновенно наполнил удушливый запах разложения. Марк, страдальчески сморщив нос, отступил на несколько шагов.

– Не так-то уж хорошо он сохранился, – пробурчал он.

Брат Гай, перекрестившись, заглянул внутрь каменного надгробия. Я, собрав всю свою волю в кулак, приблизился к саркофагу и схватился за его каменный край.

Тело было укутано в белое покрывало, оставлявшее на ви-

---

⁴ Так проходит мирская слава (*лат.*).

ду лишь алебастрово-белые лодыжки и ступни с длинными желтыми ногтями на пальцах. С того конца, где находилась шея, покрывало насквозь пропиталось темной кровью. Лужа крови натекала и под головой, установленной рядом с телом. Я пристально взгляделся в лицо Робина Синглтона, с которым мне не единожды доводилось сталкиваться в суде.

Это был худощавый тридцатилетний мужчина с темными волосами и длинным носом. Я заметил, что бледные щеки мертвеца покрывает свежая щетина, и тут же почувствовал, как желудок мой болезненно сжался при виде этой головы, стоящей на кровавом камне рядом с обрубком шеи. Губы убитого были приоткрыты, меж ними слегка поблескивали зубы. Темно-синие глаза, подернутые мутной смертной пеленой, были широко распахнуты. Я увидел, как крошечное черное насекомое ползет по одному из мертвых век, пересекает переносицу и направляется к другому веку, и к горлу моему подкатил ком. Судорожно сглатывая, я отступил к окну и принялся жадно хватать ртом свежий ночной воздух. Когда мне удалось наконец совладать с приступом тошноты, я заставил свой рассудок вернуться к увиденному. Марк подошел ко мне и обеспокоенно спросил:

– Вы хорошо себя чувствуете, сэр?

– Превосходно, – отрезал я и повернулся к брату Гаю.

Тот стоял, невозмутимо скрестив руки на груди, и задумчиво смотрел на меня. Марк заметно побледнел, однако, набравшись мужества, вновь подошел к саркофагу, что-

бы взглянуть на жуткие останки.

– Ну, Марк, что скажешь? – окликнул я его. – Как, по-твоему, был умерщвлен этот человек?

– Мы лишь убедились в том, что слышали много раз, – пожал плечами Марк. – Бедолаге отрубили голову.

– Да уж, трудно предположить, что он умер от лихорадки. Но разве труп его не наводит на определенные соображения? Я, например, думаю, что убийца был довольно высокого роста или по крайней мере среднего.

Брат Гай устремил на меня недоуменный взгляд:

– Осмелюсь спросить, что натолкнуло вас на подобное предположение?

– Ну, во-первых, сам Синглтон был рослым мужчиной.

– Трудно судить о росте того, кто лишился головы, – возразил Марк.

– Я встречался с ним во время судебных заседаний. И помню, для того чтобы смотреть ему в лицо, мне приходилось весьма неудобным образом выворачивать шею. – Я заставил себя подойти к саркофагу и вновь взглянуть на труп. – Мы видим, что голова срезана прямо, а не по косой. Обратите внимание на то, как ровно она стоит. Если во время нанесения удара и убийца, и его жертва стояли, а скорее всего, было именно так, человек небольшого роста нанес бы удар под углом, и мы имели бы косой срез.

– Да, вы правы, – кивнул брат Гай. – Клянусь Пресвятой Девой, сэръ, вы наблюдательны, как хороший лекарь.

– Спасибо. Хотя, признаюсь, мне не слишком хотелось бы упражнять свою наблюдательность на подобных предметах. Но, увы, однажды мне привелось своими глазами увидеть, как отрубают голову. И я представляю себе... – я помедлил, отыскивая нужное слово, – механику этого дела.

В глазах лекаря вспыхнуло откровенное любопытство, а я так крепко сжал кулаки, что ногти впились в ладони. На мгновение мною овладели воспоминания, которые я упорно гнал прочь.

– И уж если разговор зашел о механике, обратите внимание на то, как чисто убийца выполнил свою работу, – нарочито хладнокровным тоном продолжал я. – Голова отсечена одним ударом. Такое не всегда удается даже опытным палачам. А ведь их жертвы стоят на коленях, положив голову на специальную колоду.

Марк вновь бросил взгляд на отрубленную голову и кивнул.

– Наверное, обращаться с топором не так просто, – заметил он. – Я слышал, что палач нанес Томасу Мору несколько ударов, прежде чем наконец отделил его голову от шеи. Но что, если наш убитый нагнулся? Например, ему надо было поднять что-нибудь с пола? Или же убийца заставил его наклониться?

– Дельное соображение, Марк, – заявил я после минутного размышления. – Но если бы в момент нанесения удара Синглтон наклонился, мертвое тело было бы согнуто в пояс-

нице. Брат Гай скажет нам, так ли это было.

Я вопросительно посмотрел на монаха.

– Он лежал совершенно прямо, – задумчиво произнес брат Гай. – После убийства в монастыре было много разговоров о том, что снести человеку голову одним ударом чрезвычайно трудно. При помощи кухонных ножей, даже самого большого из них, такого не сделаешь. Именно поэтому многие братья подозревают, что тут не обошлось без колдовства.

– Но при помощи какого орудия можно отрубить голову стоящему человеку, вот в чем вопрос? – Я обвел глазами своих спутников. – Я полагаю, преступник действовал не топором, у топора слишком толстое лезвие. А тут нужно тонкое и чрезвычайно острое, такое как у меча. Что ты скажешь, Марк? Ты ведь у нас знаток оружия.

– Думаю, вы правы, – заявил Марк. – Похоже, убитому повезло, – добавил он с нервным смешком. – Лишь короли и представители высшей знати удостоиваются чести быть казненными при помощи меча.

– Да, ибо острое лезвие дарует быстрый конец.

– Я слышал, Анне Болейн отрубили голову мечом, – добавил Марк.

– Значит, смерть эмиссара Синглтона походила на смерть королевы-ведьмы, – прошептал брат Гай, осеняя себя крестом.

– Именно это мне и пришло в голову, – вполголоса сообщил я. – Я уже говорил вам, что мне однажды довелось ви-

деть, как отсекают голову. И это была голова Анны Болейн.

Глава 8

Мы ждали на воздухе, пока брат Гай закроет склеп. Снег валил густой пеленой, мохнатые белые хлопья кружились в воздухе. Пушистый белый ковер уже прикрыл землю.

– Хорошо, что снегопад не застал нас в пути, – заметил Марк.

– Да, но, надеюсь, нам предстоит вернуться, а если снегопад в самом ближайшем времени не прекратится, дороги превратятся в месиво. Возможно, нам придется отправиться в Лондон морем.

Брат Гай, закончив возиться с ключами, присоединился к нам.

– Сэр, нам хотелось бы завтра предать земле тело несчастного эмиссара Синглтона, – сказал он. – Братья переживают, что останки его до сих пор не могут обрести покоя.

– А где вы собираетесь похоронить его? Насколько мне известно, у него не было родственников, так что вряд ли кто-нибудь пожелает перевозить его в семейный склеп.

– Если вы не возражаете, мы похороним его здесь, на мирском кладбище.

– Думаю, надо предать его земле, не откладывая, – кивнул я. – Я уже видел все, что мне надо. И это зрелище крепко отпечаталось в моей памяти. Боюсь, даже слишком крепко.

– Да, сэр, и осмотр тела натолкнул вас на множество важ-

ных соображений.

– Но все это лишь догадки и домыслы.

Сейчас, когда брат Гай шел рядом со мной, я ощутил, что от него исходит слабый приятный запах, напоминающий аромат сандалового дерева. В отличие от прочей братии лекарь, как видно, отнюдь не считал зловоние добродетелью.

– Я сообщу отцу аббату, что необходимо сделать приготовления для похорон, – сказал он со вздохом облегчения.

Тут церковные колокола оглушительно загудели, заставив меня содрогнуться.

– Никогда прежде я не слышал такого громкого звона, – заметил я. – Еще подъезжая к вашей обители, я обратил внимание на то, что колокола у вас какие-то особенные.

– Просто они слишком велики для такой невысокой башни, – пояснил брат Гай. – Впрочем, у этих колоколов и в самом деле занятная история. Прежде они висели в одном из древнейших соборов Тулузы.

– И почему же их сняли оттуда?

– О, им выпала сложная судьба. Собор был разрушен во время одного из арабских набегов. Колокола арабы захватили с собой в качестве трофея. Впоследствии, когда Испания вновь стала христианской, колокола эти обнаружили в Саламанке. Их передали в дар монастырю в Скарнси, который тогда только что открылся.

– Все это очень интересно, но, думаю, вам неплохо было бы обзавестись другими колоколами, поменьше.

– Мы уже привыкли.

– Боюсь, я никогда не привыкну к подобному грохоту.

На губах брата Гая мелькнула печальная улыбка.

– Что ж, всему виной мои арабские предки. Ведь это из-за них колокола попали сюда.

Когда мы вошли во внутренний двор, монахи длинной вереницей покидали церковь. Картина эта глубоко запечатлелась в моей памяти: почти три десятка бенедиктинцев в черных одеяниях друг за другом пересекают каменный двор. Руки у всех спрятаны в рукава, капюшоны подняты, чтобы защититься от снега, который бесшумно падал, покрывая плечи идущих пушистыми белыми воротниками. Разноцветные отблески освещенных церковных окон падали на процессию и на припорошенные снегом камни монастырского двора. Это было на редкость красивое зрелище, и неожиданно для себя самого я почувствовал, что тронут до глубины души.

Брат Гай отвел нас в комнату для гостей и, пообещав вскоре вернуться, чтобы проводить нас в трапезную, удалился. Мы стряхнули снег с плащей, а потом Марк выдвинул свое узкое ложе и растянулся на жестком тюфяке.

– Сэр, значит, вы полагаете, что Синглтона убил человек, вооруженный мечом? Но как он это сделал? Подкараулил его в кухне и незаметно подкрался сзади?

Я принялся распаковывать свою дорожную сумку, раскладывая книги и бумаги.

– Возможно, – откликнулся я на вопрос Марка. – Но меня занимает другое: что понадобилось Синглтону на кухне в четыре часа утра?

– Наверное, именно там он назначил встречу с кем-то из монахов. Помните, он говорил об этой встрече привратнику?

– Да, это наиболее вероятное объяснение. Кто-то договорился встретиться с Синглтоном в кухне, скорее всего пообещав сообщить некие важные сведения. А когда тот явился, его убили. Или, точнее сказать, казнили. Потому что мне произошедшее чрезвычайно напоминает казнь. Согласись, вонзить ему нож в спину было бы куда проще, чем отрубить голову.

– Судя по всему, покойный Синглтон обладал изрядной силой, – заметил Марк. – Хотя теперь, когда его голова красуется рядом с телом, об этом трудно судить.

Марк рассмеялся, явно нарочито, и я понял, что увиденное в склепе произвело на него не менее гнетущее впечатление, чем на меня самого.

– О его силе ничего не могу тебе сообщить. А вот то, что он принадлежал к тому разряду законников, к которому я питаю глубокое презрение, могу сказать со всей определенностью. Синглтон не знал законов и не уважал их. А те, что знал, зачастую пытался вывернуть наизнанку. Действовал он при помощи запугивания и обмана, при случае не чурался и подкупа. Но разумеется, при всем этом он отнюдь не заслужил столь жестокой расправы.

– А я и забыл, что в прошлом году вы присутствовали при казни королевы Анны Болейн, – сказал Марк.

– Я бы тоже хотел об этом забыть.

– Но сегодня то, что вы были очевидцем этой казни, со- служило вам добрую службу.

Я кивнул и добавил с усмешкой:

– Помню, когда я только поступил на обучение в корпорацию адвокатов, был у нас такой преподаватель, сержант Хэмптон. Он учил нас собирать свидетельские показания. Так вот, он любил задавать вопрос: «Какие обстоятельства являются наиболее важными в любом расследовании?» И сам на него отвечал: «Наиболее важных обстоятельств не существует, все одинаково важно, и каждое следует рассматривать под различными углами».

– Ох, сэр, вы меня пугаете, – вздохнул Марк. – Если мы будем выполнять совет вашего учителя, то проторчим здесь до скончания времен. – Он с наслаждением потянулся и сообщил: – Я готов проспать часов двенадцать, даже на этих дурацких досках.

– Спать еще не время, – возразил я. – Нам необходимо поближе познакомиться со здешней братией, и за ужином это будет удобнее всего. Всякий раз, когда попадаешь в новое место, прежде всего постарайся узнать его обитателей. Вставай, Марк. Тот, кто служит лорду Кромвелю, не должен валяться без дела.

С этими словами я толкнул ложе Марка, и он, громко за-

вопив, исчез под моей кроватью.

Следуя в трапезную за братом Гаем, мы долго шагали по темным коридорам, потом поднялись по крутой лестнице и наконец были у цели. Трапезная представляла собой помещение впечатляющих размеров, с высокими сводчатыми потолками, которые поддерживали внушительные колонны. Несмотря на свои размеры, комната казалась уютной благодаря многочисленным гобеленам, покрывавшим стены, и толстым циновкам, устилавшим пол. В углу возвышался аналой, покрытый искусной затейливой резьбой. Толстые свечи, горевшие в нескольких канделябрах, бросали мягкий свет на два больших стола, сервированных отличной посудой и приборами. Один стол, рассчитанный на двенадцать персон, стоял у самого очага, другой, намного длиннее, находился подальше от огня. Кухонные служки носились туда-сюда, расставляя на столах кувшины с вином и серебряные судки, из-под крышек которых пробивались соблазнительные запахи. Я внимательно осмотрел приборы, лежавшие на ближайшем к огню столе.

– Серебро, – заметил я, обращаясь к брату Гаю. – И тарелки тоже серебряные.

– Это стол для старших монахов, – пояснил брат Гай. – Обычные монахи едят из оловянной посуды.

– А простые люди в Англии довольствуются деревянной, – не без сарказма добавил я.

Тут в трапезную торопливо вошел аббат Фабиан. Служки приветствовали его поклонами, на которые он ответил снисходительным кивком.

– Аббат, вне всякого сомнения, ест из золотых тарелок, – шепнул я на ухо Марку.

Аббат, вымученно улыбаясь, приблизился к нам.

– Мне сообщили, сэр, что вы выразили желание разделить общий ужин в трапезной. Возможно, вы все же перемените свое намерение? За моим столом сегодня будет подан прекрасный ростбиф.

– Спасибо, отец аббат, но мы лучше поужинаем здесь.

– Как вам будет угодно, – пожал плечами аббат. – Я полагал, что к вам присоединится доктор Гудхэпс. Но он решительно отказался покинуть свою комнату.

– Брат Гай сообщил вам, что я осмотрел тело эмиссара Синглтона и теперь его можно похоронить? – перевел я разговор на другое.

– Да, сообщил, – кивнул аббат. – Перед ужином я объявлю братии, что завтра тело убиенного будет предано земле. Сегодня моя очередь читать перед трапезой Священное Писание. По-английски, в соответствии с последними указаниями, – многозначительно добавил он.

– Превосходно.

Тут у дверей раздался шум, и в комнату стали входить монахи. Двое старших монахов, которых мы уже видели прежде, – белокурый ризничий брат Габриель и темноволо-

сый казначей брат Эдвиг – шли рядом, однако при этом хранили молчание. Эти двое являли собой странную пару: один, высокий и стройный, шагал, слегка наклонив голову, другой, тучный и приземистый, семеня рядом с весьма самоуверенным видом. Они подошли к столу, около которого уже стояли приор, двое старших монахов, которых я видел в доме собраний, и брат Гай. Все прочие монахи заняли свои места за длинным столом. Среди них я заметил старого картезианца. Увидав, что я смотрю на него, он ответил мне взглядом, полным ненависти. Аббат негромко сказал:

– Мне известно, что сегодня брат Джером вел себя по отношению к вам... недопустимым образом. Приношу свои извинения. С братом Джеромом трудно совладать. Но здесь, в трапезной, он рта не раскроет. Он принял обет, согласно которому ему следует принимать пищу в молчании.

– Я слышал, его взяли сюда по просьбе одного из членов семейства Сеймур? – осведомился я.

– Да, за него хлопотал наш сосед, сэр Эдвард Уэнтворт. Но просьба исходила из кабинета лорда Кромвеля. – Аббат пристально взглянул на меня. – Лорд Кромвель хотел отправить Джерома прочь из Лондона. В качестве дальнего родственника королевы Джейн он создавал определенные трудности.

Я понимающе кивнул:

– И давно брат Джером находится у вас?

Аббат неприязненно взглянул на насупленного картезианца.

– Полтора года. Срок, который показался всем нам весьма долгим.

Я не таясь разглядывал монахов, сидевших за длинным столом. Они тоже бросали на меня любопытные и настороженные взгляды, словно я был диковинным зверем, неизвестно как попавшим в их трапезную. Я отметил, что в большинстве своем монахи были пожилыми или средних лет. Молодых лиц было мало, а юношей в синих сутанах послушников всего трое. Один из старых монахов, с трясущейся от дряхлости головой, испуганно скользнул по мне глазами и украдкой перекрестился.

Тут внимание мое привлекла фигура, неуверенно топтавшаяся у дверей. Я узнал юношу-послушника, который отводил наших лошадей в конюшню. Он стоял, робко переминаясь с ноги на ногу и пряча что-то за спиной.

Приор Мортимус метнул в него гневный взгляд.

– Саймон Уэлплей! – рявкнул он. – Твое наказание еще не закончено. Сегодня тебе не полагается ужина. Займи свое место в углу.

Юноша, понутив голову, побрел в дальний, самый холодный и темный угол трапезной. Теперь я заметил, что он сжимает в руках остроконечный дурацкий колпак с выведенной на нем по трафарету буквой «П». Залившись румянцем, несчастный послушник напялил колпак на голову. Все остальные насмешливо наблюдали за ним.

– А что означает эта буква «П»? – поинтересовался я.

– «Пагуба», – ответил аббат. – Боюсь, сей юный послушник вновь нарушил правила. Прошу вас, садитесь.

Мы с Марком уселись рядом с братом Гаем, а аббат подошел к аналою. Я увидел, что на аналое лежит Библия, и с удовлетворением отметил, что это английский вариант, а не латинская Вульгата⁵, полная вымыслов и искажений.

– Братья, – торжественно провозгласил аббат Фабиан, – ужасающие события последних дней повергли нас всех в величайшую печаль. Я рад приветствовать в стенах нашей обители посланника главного правителя, эмиссара Шардлейка, который прибыл сюда, дабы расследовать это богопротивное преступление. Он будет беседовать со многими из вас, и вы все должны оказывать ему помощь и содействие, которые подобает оказывать представителю лорда Кромвеля.

Я бросил на аббата внимательный взгляд. Последние его слова можно было истолковать двояко.

– Господин Шардлейк дал разрешение предать земле тело эмиссара Синглтона, и послезавтра, после заутрени, состоится погребальная церемония, – продолжал аббат.

Это сообщение монахи встретили одобрительным гулом.

– А теперь приступим к чтению. Я прочту вам главу седьмую из Апокалипсиса, – сказал аббат и, раскрыв Библию, принялся звучно читать: – «И после сего видел я четырех Ангелов, стоящих на четырех углах земли...»

Я был немало удивлен тем, что аббат выбрал для вечерне-

---

⁵ *Вульгата* – латинский перевод Библии, используемый в католической церкви.

го чтения Апокалипсиса, ибо знал, что эта книга пользуется особой любовью у горячих сторонников реформы, жаждущих доказать миру, что они проникли во все тайны и неизъяснимые символы, которыми исполнено это суровое пророчество. Отрывок, избранный аббатом, был посвящен Господнему призыву спасенных в день Страшного суда. Я почувствовал, что выбор его был не случаен. Он словно бросал мне вызов, отождествляя свою обитель с сонмищем праведников.

– «И он сказал мне: это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца...»

– Аминь, – торжественно произнес аббат, затем закрыл Библию и гордой поступью вышел из трапезной: несомненно, в особняке его уже ждал ростбиф.

Как только дверь за аббатом закрылась, монахи принялись оживленно болтать, а служки засновали туда-сюда, разливая суп. Отведав густой овощной похлебки, изрядно сдобренной пряностями, я нашел, что она чрезвычайно вкусна. С самого утра у меня маковой росинки во рту не было, и в течение нескольких минут еда полностью поглотила все мое внимание. Утолив голод, я взглянул на злополучного Уэлплея, который застыл в своем темном углу, неподвижный, как статуя. Я повернулся к приору, сидевшему напротив меня.

– Что, бедному послушнику не будет позволено даже попробовать этот замечательный суп?

– Он останется без ужина сегодня и еще в течение четырех дней, – процедил приор. – Воздержание от пищи и присутствие при общей трапезе является частью его наказания. Неразумных юнцов необходимо учить. Или вы находите меня слишком суровым, сэр?

– А сколько лет этому юноше? По виду ему никак не дашь восемнадцать.

– Тем не менее ему почти двадцать. Хотя вы правы, он такой хилый, что выглядит моложе своих лет. Послушничество его затянулось, так как ему никак не удастся овладеть латынью. Впрочем, надо отдать юнцу должное, он обладает музыкальными способностями и помогает брату Габриелю. Бесспорно, латынь – это не столь важно. Покорность – вот чему необходимо научить Саймона Уэлплея. Помимо прочих проступков, он избегал служб на английском, и именно поэтому на него возложено покаяние. А когда кто-то из вверенных мне людей заслуживает наказания, я не боюсь быть излишне суровым. Провинившийся должен получить хороший урок, который сохранится в его душе надолго. А также послужит предостережением для всех прочих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.